

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-3-6

Дмитрий Игоревич Иванов
Европейский Университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия
<http://orcid.org/0000-0001-9520-3908>
divanov@eu.spb.ru

Dmitrii I. Ivanov
European University at St Petersburg
St Petersburg, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-9520-3908>
divanov@eu.spb.ru

**«Умиравший преступник»: образ анархиста Ш.А. Аснина
и политическая борьба в Петрограде в июне 1917 г.***

**“The Dying Criminal”: The Image of the Anarchist Shlioma Asnin
and the Political Struggle in Petrograd, June 1917**

Аннотация. В статье на примере образа анархиста Ш.А. Аснина рассматривается процесс формирования политического авторитета в период революции 1917 г. Показана важность субкультурной принадлежности для создания образа политического деятеля и образа «врага». Рассмотрены варианты участия в революционной субкультуре, обрисовано взаимовлияние между уголовной и революционной субкультурами. Каторга создавала общую для двух групп преступников контрмораль, однако социальный капитал, накопленный в рамках субкультуры политической каторги, не обязательно мог быть «переведён» в политический авторитет на свободе. В случае Аснина восприятие его в качестве революционера подорвала обнаруженная на теле татуировка, связанная с его уголовным прошлым, до «обращения» в убеждённого анархиста. «Сборка» образа революционера происходила и за счет элементов, которые делали его неприемлемым для общества в целом. Патологизация оппонентов, в том числе связанная с субкультурной

* Для цитирования: *Иванов Д.И.* «Умиравший преступник»: образ анархиста Ш.А. Аснина и политическая борьба в Петрограде в июне 1917 г. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 884–928. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-3-6

For citation: *Ivanov, D.* “The Dying Criminal”: The Image of the Anarchist Shlioma Asnin and the Political Struggle in Petrograd, June 1917.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 884–928, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-3-6>

© Иванов Д.И., 2020

© Ivanov D., 2020

принадлежностью, затрудняла политический диалог и увеличивала вероятность насилия. В качестве аналитического аппарата статьи использованы методы социологии девиантности.

Ключевые слова: анархизм, революция 1917 года, политический авторитет, революционная субкультура, уголовная субкультура, девиантное поведение.

Abstract. The paper considers the process of forming political authority during the 1917 Russian Revolution on the example of anarchist Shlioma Asnin. The importance of belonging to a subculture for building a political figure's image and an enemy image is demonstrated. Various options of participation in a revolutionary subculture are considered, and mutual influence between common-criminal and revolutionary subcultures is described. Hard labor created "counter-mores" shared by both groups of criminals but social capital accumulated within political-prison subculture could not necessarily be translated into political authority at liberty. In Asnin's case, perception of him as a revolutionary was undermined by a tattoo discovered on his body, the tattoo being linked to his common-criminal past before his "conversion" into a convinced anarchist. A revolutionary's image was "assembled" from the elements some of which made the person unacceptable for society in general. Pathologization of opponents, in part due to subcultural identity, made political dialogue more difficult and increased the probability of violence. Methods of sociology of deviance were employed as the paper's analytical apparatus.

Key words: anarchism, Russian Revolution of 1917, political authority, revolutionary subculture, common-criminal subculture, deviancy

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No 20-18-00369): «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны»). Благодарю за советы Ю.С. Галкину, К.В. Годунова, Б.И. Колоницкого, Н.В. Михайлова, О.Ю. Солодянкину, К.А. Тарасова, А.Ю. Федорова.

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00369 "The processes of legitimation of violence: the culture of conflict in Russia and the escalation of the Civil War." The author wishes to thank A.Yu. Fedorov, Yu.S. Galkina, K.V. Godunov, B.I. Kolonitskii, N.V. Mikhailov, O.Yu. Solodyankina, and K.A. Tarasov for advice.

Введение

В период русской революции 1917 г. личный авторитет был важным источником политической власти. «Революционная» биография, пережитый опыт репрессий, способность создать резонирующий с ожиданиями революционного общества образ, ораторский дар, харизма позволяли оказывать влияние на об-

щество¹. Российское общество начала XX века не было монолитным, подразделяясь на множество сословных и социальных групп. Кроме того, внутри общероссийской культуры существовал ряд субкультур. Историк Б.И. Колоницкий отметил существование в России начала XX века субкультуры революционного подполья. Эта «своеобразная политическая контрсистема» была связана прежде всего с субкультурами российской интеллигенции, в том числе т. н. «рабочей интеллигенции»². После Февральской революции именно традиции революционного подполья определили политическую культуру страны, его герои стали героями России.

Что в 1917 году делало человека революционером и придавало ему политический авторитет? Как формировался образ революционера и что могло его разрушить? Рассмотрим это на примере анархиста Ш.А. Аснина. Он ненадолго стал символом антиправительственного движения, героем множества негативных публикаций в печати и одновременно фокусом политической мобилизации в рабочих кварталах столицы летом 1917 года. Анархистское движение в Петрограде в середине 1917 года оказывало значительное влияние на общенациональную политическую конъюнктуру. По мнению историков, петроградские анархисты сыграли ключевую роль в событиях лета 1917 года, известных как «июньский» и «июльский» политические кризисы³. Тем не менее, мы сравнительно мало знаем об этом движении и его участниках, о том, как создавались его герои. Обращение к материалам анархистского движения позволит лучше понять природу авторитета в революционный период.

Аснин стал единственной известной жертвой июньских событий. Он погиб в ночь с 18 на 19 июня⁴ во время штурма правительственными силами особняка на Полюстровской набережной, известного как дача Дурново. Источники и исследования расходятся между собой относительно имени и фамилии погибшего (Ш., С. или Н. Аснин, Асин или Астин⁵), причины смерти (огнестрельная или

¹ Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). – Москва: Новое литературное обозрение, 2017.

² *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург: Лики России, 2012. – С. 304–305.

³ *Рабинович А.* Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде / перевод с английского Т.В. Никольской. – Москва: Республика, 1992; *Тарасов К.А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917–март 1918 г.) – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017; *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. – Москва; Ленинград: Наука, 1964.

⁴ Все даты даны по Юлианскому календарю (по старому стилю).

⁵ Исследователи пользовались преимущественно газетными источниками, которые давали различные варианты написания.

штыковая рана), обстоятельств его гибели (суицид, несчастный случай, умышленное убийство), социального статуса (рабочий, матрос, профессиональный преступник, политический активист)⁶. То, что произошло с Асниным, вызвало масштабные забастовки и протесты в столице, а также обширную полемику в печати; его посмертная судьба привлекла внимание М. Горького⁷ и Л.Н. Андреева. Историк В.Н. Гинев отметил «побоище на даче Дурново» в числе факторов, приведших к резкому обострению положения в столице в двадцатых числах июня, которое могло спровоцировать стихийное вооруженное восстание⁸.

Дача Дурново, принадлежавшая генерал-адъютанту, члену Государственного совета П.П. Дурново, стала организационным центром анархистского движения с середины апреля 1917 года, когда петроградские анархисты-коммунисты заняли часть особняка⁹. Они проводили там собрания и митинги, составляли листовки, рисовали транспаранты, собирали оружие, организовывали демонстрации и вооружённые выступления.

После окончания политической демонстрации 18 июня группа анархистов и их сторонников, часть из которых были вооружены, потребовала у администрации Одиной петроградской тюрьмы («Кресты») освобождения основателя газеты «Окопная правда» Ф.П. Хаустова. На свободу вышло в общей сложности семь арестантов, вместе с которыми анархисты вернулись на дачу Дурново. Временное правительство провело экстренное заседание и единогласно постановило действовать, «не останавливаясь перед применением силы»¹⁰. Около 4 часов ночи с 18 на 19 июня здание дачи Дурново окружили правительственные войска. Анархисты отказались выдать освобождённых арестантов и очистить помещение; солдаты и казаки начали выламывать двери. Матрос кронштадтской машинной школы, анархист-коммунист А.Г. Железняков стал швырять в них бомбы, ни одна из которых не взорвалась. Историк Д.И. Рублев считает, что анархисты не хотели рисковать столкновением с солдатами, а гранаты без запала какое-то время могли их сдерживать. Одним из выстрелов штурмующих был смертельно ранен Аснин, стоявший спиной к двери на другой

⁶ Описания инцидента разной степени подробности см. также: Питерские рабочие и Великий Октябрь / ответственный редактор О.Н. Знаменский. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 221–223; *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. – Санкт-Петербург: Академия культуры, 1997. – С. 51–53; *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. – Москва: РОССПЭН, 2018. – С. 258–260.

⁷ См.: *Горький М.* Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – Москва: Советский писатель, 1990. – С. 120–121.

⁸ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. Кн. 1 / ответственный редактор А.Л. Фрайман. – Ленинград: Наука, 1967. – С. 315.

⁹ *Рублев Д.И.* Российский анархизм в XX веке. – Москва: Родина, 2019. – С. 214.

¹⁰ Освобождение анархистами арестованных // Дело народа. – 1917. – 20 июня. – С. 3.

стороне комнаты. После выстрела Железняков отпустил ружье, солдаты и казаки ворвались в помещение и арестовали находившихся там людей; дальнейшего сопротивления никто не оказывал.

Этот инцидент имел определенные политические последствия: 19 июня несколько заводов Выборгской стороны забастовало в знак протеста против правительственных репрессий. Анархисты призывали к выступлению против Временного правительства. Действия властей и особенно смерть Аснина вызвали массовое возмущение, судя по речам представителей петроградских заводов на Всероссийском съезде советов¹¹. Фактическая сторона событий довольно хорошо известна. Однако событийная канва – не единственное, что создает биографию, особенно революционную¹².

Основная часть

Можно сказать, что самые значительные политические события, связанные с Шлиомой (Шлемой) Ароновым Асниным, произошли уже после его гибели. Он был сыном киевского учителя, по сословной принадлежности – мещанином местечка Игнатовка Киевского уезда и губернии (ныне село Гнатовка Киевской обл.), родился в 1884 или 1885 году. В быту, очевидно, он пользовался именем Сима или Симха¹³. Ещё подростком Аснин привлек внимание судебных властей: в 1900 году Киевский окружной суд осудил его на один год и три месяца тюрьмы за первую кражу со взломом. В 1903, 1905 и 1907 гг. последовали ещё три приговора за кражи со взломом, а в 1909 году Киевский военно-окружной суд и Киевский окружной суд осудили Аснина за разбой к восьми и девяти годам каторги соответственно с отбытием приговоров по совокупности¹⁴. В 1903 году он значился слесарем¹⁵. У историка П. Аврича были некоторые осно-

¹¹ Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. – С. 236–242; Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. – С. 118–119, 126–129; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: в 2 т. Т. 2 / под редакцией М.Н. Покровского и др. – Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1931. – С. 105–148.

¹² Иванов Д.И. Ранние советские некрологи как источник революционной биографии: на примере И.П. Жука и В.О. Лихтенштадта (Мазина) // Право на имя. Биографика XX в.: 15-е чтения памяти В. Иофе. Сборник докладов / редакторы Т.Б. Притыкина, Е.В. Русакова. – Санкт-Петербург: Мемориал, 2018. – С. 3–14.

¹³ Эти два имени не связаны между собой или с паспортным именем Аснина, Шлёма; в большинстве мемуарных источников знакомые называли Аснина просто по фамилии.

¹⁴ Выписка из справки о судимости. Ш.А. Аснин. 23 июня. 1917 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 124. – Оп. 68. – Д. 48. – Л. 58–59 (Дело по обвинению анархистов, арестованных на даче Дурново).

¹⁵ Уведомление о приступе к производству дознания по делу о мещанине Шлиоме Аснине. 26 июня. 1903 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 24. – Д. 523. – Л. 1–1об. (Дело о Ш.А. Аснине, мещанине, слесаре, привлеченном к дознанию по 246 и 248 ст. Улож. о нак.); Выписка из

вания называть его работником, хотя вряд ли это можно было сделать без натяжки¹⁶. Почти всю свою взрослую жизнь Аснин провёл в тюрьме. У нас почти нет источников, которые рассказывают, чем он занимался на свободе. В опубликованной после смерти Аснина в Шлиссельбурге брошюре говорилось:

Есть много причин, делающих людей то уголовными, то политическими. Были такие же причины и в жизни Аснина. Он остался сиротой, у него в детстве умерла мать, отец взял мачеху[,] и тут понятно для каждого простого ума¹⁷.

Аснин, правда, был осужден не только за преступления против собственности, но и за государственное преступление – оскорбление величества. Когда 30 апреля 1903 года его переводили в темный карцер Киевского исправительного арестантского отделения,

арестант Аснин стал браниться, говоря между прочим: "е...у вас, е...у ЦАРЯ, е...у БОГА, е...у начальство и все ГОСУДАРЕВО СЕМЕЙСТВО за их законы"¹⁸.

По 246 и 248 статьям Уложения о наказаниях за эту брань отбывавшему уже второй срок за кражу со взломом рецидивисту могло грозить до восьми лет каторги. Предложенный прокуратурой месячный административный арест Аснина, избличенного «в произнесении оскорбительных слов в отношении ОСОБЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Августейшего Семейства ЕГО», был после длительной переписки заменен на семь дней тюремного карцера, поскольку это можно было совместить с содержанием его под стражей¹⁹. Брань в адрес венце-

справки о судимости. Ш.А. Аснин. 23 июн. 1917 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 68. – Д. 48. – Л. 58. Год рождения в документах не указан, только возраст – 19 лет в 1903 г. и 25 лет в 1910 г.

¹⁶ *Avrich P.* The Russian Anarchists. – Edinburgh; Oakland: AK Press, 2005. – P. 132.

¹⁷ Письмо (шлиссельбуржца). – Шлиссельбург: типолитография Е.Н. Кабеева, 1917. – С. 3. Автором, скорее всего, был бывший заключённый Шлиссельбургской каторжной тюрьмы Т.И. Фомичев (1889–1918): В.А. Симонович упоминал о том, что тот опубликовал после освобождения книжку стихов (*Симонович В.А.* В Новом Шлиссельбурге. – Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – С. 35). На теле Аснина была найдена открытка «дружеского характера», отправленная 12 мая 1917 г. из Румынии в исполком Совета Ш[лиссельбургского] П[орохового] З[авода] Симе Аснину от Тимофея или Тимофеева (Протокол осмотра переписки, найденной на трупе «анархиста» Аснина. 20 июн. 1917 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 68. – Д. 48. – Л. 11); автор брошюры упоминал (с. 2), что в момент смерти Аснина он был на Румынском фронте. Далее я буду без особых оговорок называть Тимофея Фомичева автором брошюры. Здесь и далее дополнения в квадратных скобках добавлены нами.

¹⁸ Заключение по делу о Ш.А. Аснине, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 246 ст. уложения о наказаниях. 26 июн. 1903 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 24. – Д. 523. – Л. 4–4 об.

¹⁹ Заключение по делу о Ш.А. Аснине, обвиняемом в совершении государственного преступления. 7 нояб. 1903 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 24. – Д. 523. – Л. 9.

носных особ в последние годы Российской империи была сравнительно тривиальным преступлением и не обязательно свидетельствовала о наличии революционных настроений²⁰.

Однако в этом эпизоде отразилось то, что придало Аснину авторитет в глазах многих других арестантов, – его готовность противостоять тюремному начальству, которую отметили знавшие его по Шлиссельбургской каторжной тюрьме политические заключённые. В Шлиссельбург, где тюремный режим был едва ли не самым жёстким во всей Российской империи, Аснина перевели в 1910 г. После «манифеста» (амнистии по поводу 300-летия Дома Романовых, 1913 г.) администрация Шлиссельбургской каторжной тюрьмы ужесточила режим, в частности, начала заставлять арестантов 4-го корпуса вставать и стоя слушать молитвы, пока пел хор. Аснин оказался одним из четырех заключенных, наотрез отказавшихся вставать на молитву и наказанных тридцатью сутками карцера. Начальник тюрьмы В.И. Зимберг, который, по утверждению анархиста-каторжанина В.А. Симоновича, питал к Аснину «особую злобу», вновь отправил его (в отличие от остальных участников протеста) в 4-ый корпус. Аснин снова не встал на молитву, вновь отправился в карцер, но, несмотря на слабое здоровье, «не только не умер в карцере, а вышел и даже сам дошел до "заразного" отделения»²¹, т. е. помещения для заключенных, которые могли оказывать дурное влияние на других. Каторжанин-«шлиссельбуржец», социалист-революционер В.Ф. Гончаров отмечал, что Аснин заработал в Шлиссельбурге туберкулез, но несмотря на это был на первом месте по количеству дней, проведенных в карцере (247 сут. за шесть с половиной лет)²². Отбывавший в Шлиссельбурге каторжный срок за участие в Севастопольском восстании 1905 года меньшевик И.П. Вороницын признавал боевые качества Аснина:

Худой и изможденный, он был бесстрашным протестантом, бесконечно сидел в карцерах и в конце концов принудил администрацию считаться с собой и перевести его в третий корпус, где мы добились льготного режима²³.

Подобная непримиримость, очевидно, помогала росту социального капитала²⁴ в рамках субкультуры каторжан, которая была общей и для политических, и для уголовных заключенных.

²⁰ Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 43–71.

²¹ *Симонович В.А.* В Новом Шлиссельбурге. – С. 114–115.

²² *Градский В.* Шлиссельбургская каторга // *Былое*. – 1924. – № 25. – С. 186; 1925. – № 2 (30). – С. 126. Гончаров использовал псевдоним, т. к. в 1922–1929 гг. отбывал тюремный срок за антисоветскую деятельность.

²³ *Вороницын И.П.* Из мрака каторги. 1905–1917. – Харків: Державне Видавництво України, 1922. – С. 127.

Гончаров, вообще довольно щепетильно относившийся к соблюдению «революционной этики» в тюрьме²⁵, назвал лучшим примером положительного влияния политических заключенных на уголовных «перерождение» Аснина,

который под влиянием анархиста Сандомирского²⁶ совершенно отрекся от прошлого и начал новую жизнь. За все восемь лет шлиссельбургской каторги у Аснина не проявилось ни одной черточки его уголовного прошлого. Под влиянием Сандомирского он больше всех именно сам стыдился своего прошлого и болел им. Благодаря этому он научился товарищеским отношениям, никогда их не нарушал и проводил много лучше, чем другие политические²⁷.

Близкий друг Аснина по Шлиссельбургу, анархист Т.И. Фомичев также отмечал его следование этическим нормам политической каторги:

Кто в тюрьме знал Аснина, тот никогда о нем не будет говорить дурно: таких борцов, как был обращенный Аснин, было мало²⁸.

Более скептически настроенный Вороницын считал Аснина «яркой фигурой» типа полууголовных, полуполитических каторжан:

В новой политической обстановке и в новом тюремном окружении те свойства, которые в старину сплетались в своеобразную фигуру бродяги, в омулевой бочке переплывавшего бурный Байкал и рядом смелых преступлений утверждавшего свою не-

²⁴ Социолог П. Бурдьё определяет его как «совокупность ресурсов, наличных или возможных, которые достаются индивидууму или группе в силу обладания прочной сетью более или менее укоренившихся отношений взаимного знакомства и признания». *Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology.* – Cambridge: Polity Press, 1992. – P. 119.

²⁵ В частности, он публично обвинил в сотрудничестве с администрацией Г.М. Иващенко, с которым вместе отбывал срок в Шлиссельбургской каторжной тюрьме: *Гончаров В. Открытое письмо «левому» с.-р. Г.М. Иващенко // Дело народа. – 1917. – 30 дек. – С. 2.*

²⁶ Г.Б. Сандомирский (1882–1938) был одним из лидеров российских анархистов-коммунистов. В 1909–1910 гг. (по др. данным в 1909–1913 гг.) отбывал часть каторжного срока за участие в Киевской группе анархистов-коммунистов в Лукьяновской тюрьме г. Киева, где, очевидно, и познакомился с Асниным, которого в 1910 г. перевели в Шлиссельбург. Биографию Сандомирского см.: Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / ответственный редактор М.М. Константинов. – Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – С. 569; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / под редакцией В. В. Шелохаева и др. – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 547–548.

²⁷ *Градский В. Шлиссельбургская каторга // Былое. – 1924. – № 26. – С. 128–129.* В составленном членами Шлиссельбургского землячества Общества политкаторжан списке отмечено, что Аснин провел в крепости около 6 с половиной лет.

²⁸ Письмо (шлиссельбуржца). – С. 3.

подражаемую личность, трансформировались теперь в законченный тип вечного анархиста и бунтаря, смелого, но преступного²⁹.

В Шлиссельбурге политические заключённые знали Аснина как поэта-самоучку. В тюрьме он страстно занимался самообразованием и на материалах анкет каторжан пытался провести социологическое исследование для предсказания характера грядущей русской революции³⁰. Подобные «обращения» распропагандированных уголовных арестантов в революционеров не были массовым явлением, но все-таки случались. В большинстве случаев, уголовные и политические заключенные в тюрьмах Российской империи держались обособленно и довольно враждебно относились друг к другу³¹. В Шлиссельбургской каторжной тюрьме, однако, арестанты обеих категорий зачастую поддерживали товарищеские отношения и солидарно выступали против администрации. Получение статуса преступника и соответственное обращение не обязательно связаны с тем, *что* человек совершил, отмечал социолог Г. Беккер³². Аналогичным образом, обладание статусом «политического» могло – как показывает случай Аснина – быть связано с поведением среди других каторжан на каторге, а не с деяниями, за которые был получен каторжный срок.

В начале 1917 года Аснин сидел в 3-ем («народовольческом») корпусе тюрьмы, в котором главным образом содержались политические заключенные. Освоив профессию, видимо, в тюрьме, он занимал должность парикмахера, которая давала ему возможность быть в центре событий: «Около него постоянно толпились заключенные, которые передавали записки, новости, события»³³. В дни Февральской революции администрация тюрьмы сначала освободила около 65–70 «несомненных» политических заключенных. Большевик В.Д. Румянцев назвал Аснина в составе именно этой, первой группы «чистых» политических, выпущенных из крепости³⁴, что, очевидно, является ошибкой памяти мемуари-

²⁹ *Вороницын И.П.* Из мрака каторги. 1905–1917. – С. 127.

³⁰ *Градский В.* Шлиссельбургская каторга // *Былое.* – 1925 – № 2 (30). – С. 128; Письмо (шлиссельбуржца). – С. 2–4. Фомичев приводит отрывок из полученного им из тюремной больницы послания Аснина:

«Ты, мой друг,
Не знаешь мои муки,
Не знаешь, как недуг
Сковал мне тяжко руки:
И т. д., и т. д.»

³¹ За это указание я благодарен К.Н. и А.Ю. Морозовым.

³² *Беккер Г.* Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности / перевод с английского Н. Фархатдинова. – Москва: Элементарные формы, 2018. – С. 11.

³³ *Симонович В.А.* В новом Шлиссельбурге. – С. 182–183.

³⁴ *Румянцев В.* Товарищи пришли! (Воспоминания об освобождении из Шлиссельбурга) // *На волю! Падение самодержавия, освобождение из царских тюрем и каторги: Сборник*

ста. Деливший с Асним камеру Симонович, который входил в число освобожденных 28 февраля, вспоминал, что Аснин был оставлен в тюрьме³⁵. Вышел на свободу он вместе с остальными 1 марта, как и многие из тех, чей «политический» статус не оспаривался³⁶.

Группа бывших политзаключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Март-апрель 1917 г. Сидит первый слева В.Д. Малашкин, стоят пятый слева Ш.А. Аснин, шестой В.О. Лихтенштадт, седьмой А.И. Сухоруков, восьмой Ф.А. Шавишвили
Источник: ЦГАКФФД Санкт-Петербурга. Г 11960.

Снимки, сделанные в марте 1917 года вскоре после освобождения, свидетельствуют о том, что политические заключенные Шлиссельбургской каторж-

воспоминаний к 10-летию Февральской революции. 1917–1927. – Ленинград: Прибой, 1927. – С. 17.

³⁵ Симонович В. Из Шлиссельбургской крепости на волю (Воспоминания об освобождении) // На волю! Падение самодержавия, освобождение из царских тюрем и каторги. – С. 7–9.

³⁶ Статус Аснина как «политического» сомнению среди других каторжан не подвергался; он упомянут в списках политических заключенных, составленных соответственно членами Шлиссельбургского землячества Общества, историком С.Я. Гессеном и мемуаристом В.А. Симоновичем: Список политических каторжан, освобожденных из Шлиссельбургской крепости революцией 1917 года // На волю! Падение самодержавия, освобождение из царских тюрем и каторги. – С. 54 (как Симха Аснин); Биографический список политических заключенных Нового Шлиссельбурга. 1907–1917. [1934] // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-4000. – Оп. 7. – Д. 348. – Л. 4 (Список бывших заключенных в Шлиссельбургской крепости); Симонович В.А. В Новом Шлиссельбурге. – С. 53.

ной тюрьмы считали его своим. Аснин запечатлен в составе дружины из рабочих Шлиссельбургского порохового завода (ШПЗ) и бывших каторжан³⁷. Вместе с ним сфотографированы участники организации покушения на премьер-министра П.А. Столыпина в 1906 г.: В.О. Лихтенштадт (член революционного комитета ШПЗ, в 1917 г. меньшевик) и эсер-максималист В.Д. Малашкин (начальник заводской милиции ШПЗ), а также анархист-коммунист Ф.А. Шавишвили (помощник начальника заводской милиции). Лихтенштадт был одним из неформальных лидеров политических заключенных Шлиссельбурга, его принадлежность к революционной субкультуре никем не оспаривалась³⁸. Заслуги Шавишвили были сочтены достаточными для зачисления его во Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в котором он состоял до ликвидации организации в 1935 г.³⁹ Пенсию по ходатайству общества получала также семья Малашкина, умершего в 1920 году после ареста белогвардейской контрразведкой⁴⁰. После освобождения из тюрьмы Аснин в течение трех месяцев работал помощником начальника заводской милиции ШПЗ⁴¹. Подобная должность в послефевральский период чаще требовала не столько каких-то специфических профессиональных навыков (полицейского плана), а скорее революционной благонадежности, поэтому освобожденный «волею восставшего народа» из Шлиссельбургской крепости каторжанин вполне для нее подходил.

³⁷ Группа политкаторжан – последних узников крепости. Март-апр. 1917 // Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Г 11960. Воспроизведена в кн.: *Марголис Ю.Д., Сандлер В.И.* Сквозь время... Документальные очерки. – Москва: Молодая гвардия, 1968. – Вклейка между С. 192 и 193. Фрагмент фото, на котором идентифицированы Аснин, Лихтенштадт, эсер А.И. Сухоруков и Шавишвили см.: На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907–1917 гг.) / составитель К. С. Леонидова. – Ленинград: Лениздат, 1966. – С. 206. См. также: Первый отряд милиции. Март 1917 г. // ЦГАКФФД СПб. Г 11961. Воспроизведена в кн.: *Игнатъева Г.П.* и др. Шлиссельбургская крепость: очерк-путеводитель. – Ленинград: Лениздат, 1986. – Вклейка между С. 64 и 65.

³⁸ *Ионов И.И.* Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин): некролог. – Петербург: Государственное издательство, 1921; *Герасимова Н.К., Марголис А.Д.* К тебе и о тебе мое последнее слово: письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // *Минувшее. Исторический альманах.* Т. 20. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum–Феникс, 1996. – С. 129–165.

³⁹ Политическая каторга и ссылка. – С. 716; *Шавишвили Ф.А.* Царская каторга. Воспоминания бывшего политкаторжанина / перевод с грузинского Н. Микава. – Тбилиси: Мерани, 1977.

⁴⁰ От Центрального совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев – центральной комиссии по назначению персональных пенсий при НКСО. 14 янв. 1928 // ГАРФ. – Ф. А-539. – Оп. 3. – Д. 6466. – Л. 40 (Малашкин В.Д.).

⁴¹ *Щербович С.М.* Борьба трудящихся Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1988. – С. 46–47.

Милиционеры Шлиссельбургского порохового завода Ш.А. Аснин (слева)
и И.И. Вишняков. Апрель 1917 г.
Источник: ЦГАКФФД Санкт-Петербурга. Г 16485.

К июню Аснин переехал в Петроград, где участвовал в пропаганде анархизма среди рабочих Выборгской стороны. Он произносил речи в саду дачи Дурново, но, по оценке милиционера С.С. Третьякова, выступал не так часто, как другой бывший шлиссельбуржец – анархист П.Н. Колобушкин⁴². Известно также выступление Аснина на митинге в Кронштадте 8 или 9 июня, где он пытался мобилизовать собравшихся на поддержку назначенной на 10 июня антиправительственной демонстрации. И.П. Флеровский, один из лидеров кронштадтских большевиков, так его описывал:

Аснин на трибуне был чрезвычайно живописен. Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взайой (так в тексте. – *Д. И.*), высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь винтовка, на которую он опирался. Не помню лица,

⁴² Протокол допроса милиционера I Выборгского подрайона С.С. Третьякова. 26 июл. 1917 // ГАРФ. – Ф. 1826. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 74 об. (Дела Багдатьяева, Колобушкина, Полякевича).

только черная клином борода врезалась в память. Карбонарий, заговорщик... Даже масса затихла, увидев столь импозантную и редкостную фигуру⁴³.

По словам Флеровского,

великолепный экземпляр из компании “дурновцев” оказался косноязычным, никудышным оратором⁴⁴,

поэтому его призыв отправляться в Петроград кронштадтские матросы, солдаты и рабочие не поддержали. Еще более удалым, но при этом харизматичным Аснин получился в беллетризованных мемуарах бывшего члена большевистской военной организации Александра Тарасова-Родионова:

– Та-ваа-рищи! – уже гудел с нее [трибуны на кронштадтской Якорной площади] какой-то косматый гражданин в широкополой поярковой шляпе. Через широко распахнутый ворот его ярко-красной рубахи глядела наружу смуглая грудь с блестящей на солнце курчавой шерстью. – Та-ваа-рищи! – выкрикивал он, судорожно придерживая тонкими руками полы своего живописного черного плаща. – Мы, анархисты, вас призываем: поднимайтесь, пока еще не поздно! К черту Временное правительство! К черту советы! К черту всякую власть! [...]

– Что же ты предлагаешь? – нерешительно окликнул его стоящий поодаль рабочий.

– Восстание! – взмахнул Аснин плащом. – Немедленное свержение всей буржуазии!

И толпа восторженно заплодировала⁴⁵.

Возможно, расхождение в описаниях одного и того же эпизода можно объяснить тем, что Тарасов-Родионов в меньшей степени, чем Флеровский, был в 1917 году верен партийной линии, соответственно, и в мемуарах не всегда ей следовал⁴⁶. Советские историки анархизма, однако, всегда цитировали именно Флеровского, поскольку его текст был вполне ортодоксален и выставлял анархистов разве что случайными попутчиками большевиков, бестолковыми и жалкими⁴⁷.

⁴³ *Флеровский И.П.* Большевистский Кронштадт в 1917 году (по личным воспоминаниям). – Ленинград: Лениздат, 1957. – С. 45–46.

⁴⁴ *Флеровский И.П.* Большевистский Кронштадт в 1917 году (по личным воспоминаниям). – С. 45–46.

⁴⁵ *Тарасов-Родионов А.И.* Июль. – Москва: Московское товарищество писателей, 1933. – С. 58.

⁴⁶ *Тарасов К.А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917–март 1918 г.). – С. 197. Писатель вообще с симпатией описал Аснина, см. также: *Тарасов-Родионов А.И.* Июль. – С. 281.

⁴⁷ См., например: *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922 гг.) – Москва: Мысль, 1974. – С. 76.

Через несколько дней у убитого уже Аснина не было ни черного плаща, ни красной рубахи:

одет в белую холщовую куртку флотского покроя с голубым воротником и под нею в ситцевую рубаху. Высокие сапоги, под которыми оказались портянки; триковые брюки, и под ними подштанники с метками Б. П.⁴⁸

Прокуратура утверждала, что после освобождения из тюрьмы Аснин, не имея на то никаких оснований, надел матросскую форму и в таком костюме выступал на митинге, «агитируя с большой страстностью против Временного правительства»⁴⁹. Но в Кронштадте, где это могло быть наиболее выгодно, Аснин не выдавал себя за матроса. Оба известных нам описания его выступления на Якорной площади кажутся скорее пересказом карикатур на анархистов из петроградской прессы 1917 года. Черный плащ, шляпа, красная рубаха и курчавая растительность в распахнутом вороте, – нечто в духе итальянских разбойников из детективных книжек, – именно таким был наиболее распространенный тогда образ представителей анархистского движения в массовой культуре

При осмотре тела убитого Аснина в прозекторской Военно-медицинской академии стали известны его татуировки:

На срединной поверхности правого предплечья имеется фигура татуировки темно-синего цвета[,] изображающая голую женщину, и у ног ее две буквы "М" и "Б", а с правой стороны имя "Марфуша". На срединной поверхности левого предплечья также знак татуировки, изображающий якорь и сердце, пронзенное стрелой. На спине на правой ее половине фигура татуировки, изображающая половой член с частью мошонки, имеющей длину 11 сантиметров и ширину 5 сантиметров: над этой фигурой как раз под правой лопаткой крупное слово татуировки скорописными буквами "х[...]"⁵⁰.

Обнаруженные татуировки, по словам руководителя контрразведки Петроградского военного округа полковника Б.В. Никитина, весьма помогли правительственным силам в оправдании операции на даче Дурново. Министр юстиции П.Н. Переверзев распорядился сделать фотографии трупа и предъявлял их в Совете как доказательство связи анархистов с уголовниками⁵¹. В сохранив-

⁴⁸ Протокол наружного судебно-медицинского осмотра трупа Ш.А. Аснина. 19 июня. 1917 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 68. – Д. 48. – Л. 35.

⁴⁹ К аресту анархистов // Речь. – 1917. – 24 июня. – С. 5.

⁵⁰ Протокол наружного судебно-медицинского осмотра трупа Ш.А. Аснина. 19 июня. 1917 // ГАРФ. – Ф. 124. – Оп. 68. – Д. 48. – Л. 39–39 об.

⁵¹ *Никитин Б.В.* Роковые дни (Новые показания участника). – Москва: Айрис-Пресс, 2007. – С. 126; *Hasegawa T.* Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. – Cambridge, MA; London: Belknap Press, 2017. – P. 85.

шихся протоколах Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов прямых упоминаний об этих фотографиях нет, однако материалы вскрытия, видимо, обсуждали на общем собрании 20 июня⁵². Флеровский считал, что посмертную известность Аснину создала обнаруженная после смерти на его теле татуировка, по поводу которой «желто-соглашательская пресса и устроила дикий танец»⁵³. Например, по мнению обозревателя «Петроградской газеты», татуировка настолько распространена среди закоренелых преступников, что это «уже одно может служить аттестатом Аснина»⁵⁴. Историк Ц. Хасегава отметил даже, что татуированное тело Аснина было выставлено напоказ⁵⁵ – хотя о татуировках его стало известно публике после обнародования результатов вскрытия. Примененное насилие становилось оправданным, поскольку его жертву теперь было в чем обвинить. Благодаря этому было дискредитировано и анархистское движение в целом, поскольку его оппоненты еще до выдачи справки о судимости Аснина получили свидетельство связи анархистов с уголовной субкультурой.

Центральный орган Партии народной свободы, газета «Речь», редко могла использовать в политической борьбе настолько лихой материал:

Профессора, вскрывавшие труп, очень заинтересовались татуировкой. По их словам, подобного рода изображения на теле очень распространены среди тюремных обитателей и свидетельствуют о грубых половых извращениях⁵⁶.

Придерживавшийся умеренно-социалистических взглядов публицист В.Г. Богораз-Тан также использовал результаты вскрытия, по которым на теле Аснина «оказался вытатуированным орган человеческого тела с соответствующей надписью», чтобы бросить тень сомнения на оправданность вызванных его гибелью протестов:

Вокруг этого тела всю ночь стоял почетный караул, говорились зажигательные речи, возбужденные люди собирались “выпустить кишки” буржуйам⁵⁷.

⁵² Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций: в 4 т. Т. 3 / ответственные редакторы Б.Д. Гальперина и В.И. Старцев. – Москва: РОССПЭН, 2002. – С. 347.

⁵³ Флеровский И.П. Большевицкий Кронштадт. – С. 45.

⁵⁴ *Spectator*. Татуировка и преступники // Петроградская газета. – 1917. – 28 июня. – С. 2. Журналист, правда, добавил, что европейская и американская «золотая молодежь» также подхватила моду на татуировки, некоторые из которых делал художник-«мирискусник» Л.С. Бакст.

⁵⁵ Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. – P. 85.

⁵⁶ К аресту анархистов // Речь. – 1917. – 21 июня. – С. 3.

Писатель Л.Н. Андреев, описывая в дневнике свою радость от прихода в его усадьбу финляндских белогвардейцев в мае 1918 года, привёл посмертную фотокартонку Аснина как контрастный пример беспорядка и ужаса, который неслала революция:

Видел я как-то на Невском [...] маршировавших анархистов со знаменем «смерть буржуйам», они готовились тогда к глупейшим и совершенно головоупятым похоронам Аснина (так в тексте. – Д. И.), того самого разбойника и низкого тупицы, у которого на спине коротко нататуировано: х... Я потом видел его фотографию и испытал человеческую жуть от этого безбожного, тупого и низкого затылка⁵⁸.

Даже большевистская «Правда», старательно игнорировавшая бóльшую часть событий вокруг смерти Аснина, на первой полосе разместила объявление с настоятельной рекомендацией членам партии и сочувствующим воздержаться 24 июня от участия в похоронах⁵⁹. К тому времени, как с удовлетворением отмечала кадетская «Речь», интерес к аресту анархистов и гибели Аснина во многом уменьшился, в том числе после опубликования в газетах данных об осмотре трупа⁶⁰. Писатель Д.Я. Айзман заметил саркастически:

Никто не хочет верить в идеализм Аснина!.. Легенда угасла. Греза умерла. Иллюзия погибла. И остался один голый факт: татуировка.

Так оно всегда и бывает: стирается начисто и бесследно с лица гримировка. Но навеки сохраняется на спине татуировка⁶¹.

Таким образом, положительная революционная репутация Аснина, сложившаяся внутри революционно-тюремной субкультуры, оказалась неубедительной для общества в целом. Страх перед преступностью сделал невозможным другой вариант «сборки» образа, нечитаемым – альтернативный язык описания. Контраст в оценках зафиксировал анархист-шлиссельбуржец Фомичев в посвященном Аснину стихотворении «Умиравший преступник»:

И вот пришел конец... вот смерть уж за плечами...
Прощай[,] развратный мир!.. Тобой я презрен: вор!
Но ведай же и ты: рассудится веками[,]
Насколько справедлив твой грозный приговор...⁶²

⁵⁷ Тан. Итоги 18-го июня // Русская воля. – 1917. – 21 июн. (утренний выпуск). – С. 2.

⁵⁸ Андреев Л.Н. «Дело о самоубийстве России». Из дневника Леонида Андреева // Источник. – 1994. – № 2. – С. 46.

⁵⁹ К похоронам // Правда. – 1917. – 24 июн. – С. 1.

⁶⁰ К аресту анархистов // Речь. – 1917. – 23 июн. – С. 5.

⁶¹ Айзман Д. Гримировка и татуировка // Русская воля. – 1917. – 2 июл. (утренний выпуск) – С. 3.

⁶² Письмо (шлиссельбуржца). – С. 16.

В Шлиссельбурге, как сообщал политкаторжанин Вороницын, Аснин стеснялся показывать свою «бесстыдную» татуировку. Эту приметку своего уголовного прошлого он, «моясь в бане, всегда целомудренно прикрывал полотенцем, только немногих близких друзей допуская в укромном уголке взглянуть на "картинку"»⁶³. Фомичев и вовсе не считал эти «грехи детства» стоящими особенного внимания:

Кто сидел в тюрьме и старался узнать поближе всех ее обитателей без различия на уголовных и политических, тот не будет бояться ни татуировок, ни происхождения лиц: главное не в том, чем был человек, а что он сейчас из себя представляет⁶⁴.

Подобные оптимистичные воззрения на способность людей меняться под воздействием изменения общественной обстановки были широко распространены в 1917 году⁶⁵.

Знакомые Аснина связывали возникновение его знаменитой татуировки с «уголовным» периодом его жизни, до Шлиссельбурга, но не приводили каких-либо семиотических толкований. Криминолог М.Н. Гернет отмечал, что сбор научных сведений о татуировке среди российских заключенных в дореволюционный период не производили⁶⁶, поэтому и в литературе можно найти разве что приблизительные объяснения этой практики. Психиатр Я.М. Коган выделил в числе мотивов нанесения татуировки, которые называли во время исследований середины 1920-х гг. одесские заключенные, безделье и скуку, недомыслие, подражание. Сравнительно редко отмечались случаи татуировки «помимо воли татуируемого» – но в этом случае тот обычно мог выбрать рисунок⁶⁷. Татуировки на спине встречались крайне редко, что объяснялось в том числе тем, что иногда татуировщики могли наносить на спину «нежелательный для субъекта рисунок (чаще всего порнографический)»⁶⁸. Коган отметил, что «порнографиче-

⁶³ Вороницын *И.П.* Из мрака каторги. 1905–1917. – С. 127.

⁶⁴ Письмо (шлиссельбуржца). – С. 3.

⁶⁵ См., например: *Ерещенко Д.Ю.* Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. – С. 26–27.

⁶⁶ *Гернет М.Н.* Татуировка в местах заключения г. Москвы // *Преступный мир Москвы* / под редакцией М.Н. Гернета. – Москва: Право и жизнь, 1924. – С. 218–219.

⁶⁷ *Коган Я.М.* О татуировке у преступников // *Изучение преступности и пенитенциарная практика*. Вып. 2. – Одесса: Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями УССР, 1928. – С. 92–96. Благодарю И. Ролдугину за указание на это исследование.

⁶⁸ *Коган Я.М.* О татуировке у преступников. – С. 72–73, 82. Чехословацкий журналист Э.Э. Киш писал, что во время службы в австро-венгерской армии (1904–1905 гг.) получил на спину совсем не тот рисунок, который ему обещал мастер, из-за отсутствия на гауптвахте зеркала: *Kisch E.E.* Egon Erwin Kisch, the Raging Reporter. A Bio-Anthology / compiled by Н.В. Segel. – West Lafayette: Purdue University Press, 1997. – P. 206–207.

ские надписи» встречались среди татуировок нечасто, рисунки эротического содержания, напротив, были распространены⁶⁹. Очевидно, татуировку на предплечье Аснина с именем «Марфуша» можно отнести к этой категории. Среди обследованных московскими криминологами в 1924 г. заключенных «циничные» татуировки встречались очень редко⁷⁰. Исследованные обладатели татуировок 1920-х гг. в большинстве случаев говорили криминологам об испытываемом сожалении, часто вызванном восприятием татуировки как признака принадлежности к уголовному миру, и лишь изредка выражали гордость ею (обычно когда татуировки были свидетельством службы на флоте)⁷¹. Татуировки ассоциировались с преступностью не только в СССР: убийца штурмфюрера СА Хорста Весселя, член Союза красных фронтовиков Альбрехт «Али» Хёлер воспринимался современниками как уголовник во многом благодаря своим многочисленным татуировкам⁷². Из-за того, что обладатели татуировок редко придавали какое-то значение сюжетам рисунков, М.Н. Гернет пришел к выводу, что «ни содержание рисунков, ни надписей татуировок, не дает скольнибудь ценного материала для характеристики самих носителей этих татуировок»⁷³. Но можно сделать предположение о вкладываемых намерениях.

Исследовательница М. Добсон отмечала, что в татуировках советских заключенных присутствовал «мрачный (и вульгарный) юмор, который был чужд официальной культуре»⁷⁴. Использование татуировок для того, чтобы заявить свое отчуждение от государства, вполне могло происходить и в дореволюционный период. Действия того, кто находится в т. н. «тотальных институтах» (например, тюрьмах, психиатрических больницах или казармах), могут представлять собой «попытку отгородиться от места, в котором его держат», что иногда приводит, по наблюдению социолога Э. Гоффмана, к довольно причудливым формам отчуждения. Оскорбительные татуировки, очевидно, могли быть одним из таких способов демонстрации независимости, строительства замещающего тюрьму мира. Неповиновение, в том числе скрытое, может демонстрировать

⁶⁹ Коган Я.М. О татуировке у преступников. – С. 78–79.

⁷⁰ Гернет М.Н. Татуировка в местах заключения г. Москвы. – С. 242–245.

⁷¹ Коган Я.М. О татуировке у преступников. – С. 96–99.

⁷² Хёлер действительно был связан с уголовным миром, занимался сводничеством и сутенерством, но его столкновение с Весселем в январе 1930 г., видимо, имело и политические причины. *Siemens D. The Making of a Nazi Hero. The Murder and Myth of Horst Wessel / translated by D. Burnett. – London; New York: I.B. Tauris, 2013. – P. 78–79.* Среди европейских коммунистов 1920-х татуировки не обязательно обозначали принадлежность к миру уголовной преступности; можно привести в пример очерк Киша «Мои татуировки» (1925): *Kisch E.E. Egon Erwin Kisch, the Raging Reporter. – P. 205–213.*

⁷³ Гернет М.Н. Татуировка в местах заключения г. Москвы. – С. 246.

⁷⁴ *Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – P. 114.* Благодарю Т. Полякову за указание на это исследование.

отстраненность от официального места пребывания или придавать смысл нахождению в нем⁷⁵. Очевидно, что татуировка на спине Аснина была в высшей степени идиосинкразическим произведением. Возможно даже, что за выбор сюжета он не нес ответственности. Но его уголовное прошлое вряд ли можно было скрыть, даже если бы удалось сохранить татуировки в тайне.

Заключение

Повышенное внимание к татуировке Аснина было вызвано не только сенсационностью материала, но и тем, что ее существование делало ненужным обсуждение политических позиций анархистов. Как отмечал психиатр Т. Сас, девиантность, преступление или нежелательные политические взгляды часто выступают признаком психического расстройства, хотя причины неприемлемых действий могут быть вполне рациональными. Если человека воспринимают как равного, то с ним возможны разногласия или споры, но если он не равен – то становится для оппонента сумасшедшим⁷⁶. Это, конечно, относится и к революционной субкультуре. Например, исследовательница Н. Петрусенко показала, что для многих российских консерваторов самым простым объяснением участия женщин в террористической деятельности эсеров было объявить их сумасшедшими⁷⁷. Однако патологизация оппонентов не только затрудняла понимание их действий, но и делала невозможным какое-либо другое разрешение разногласий, кроме насилия.

Революционность, как отметил историк К.Н. Морозов, можно рассматривать в качестве одного из вариантов девиантного поведения⁷⁸. Во всех социальных группах есть понимание какого-то правильного или неправильно поведения, принуждение к соблюдению определенных правил. При этом человек может нарушать правила одной группы как раз тем, что следует правилам другой. Поведение, попирающее общепринятые социальные нормы, может вызывать в субкультуре всеобщее одобрение. Таким образом, по словам Г. Беккера, соци-

⁷⁵ Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / перевод с английского А. Салина. – Москва: Элементарные формы, 2019. – С. 347–355.

⁷⁶ Цит. по: Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности. – С. 26; Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. – С. 409.

⁷⁷ Petrusenko N. Female Terrorists: Political or Just Mad? Conservative Narratives in the Historiography of Early 20th Century Female Terrorism in Russia // *Baltic Worlds*. – 2017. – № 4. – P. 83–89.

⁷⁸ Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX в.: материалы международного коллоквиума. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – С. 135.

альные группы создают девиантность, вырабатывая свои правила⁷⁹. Следование нормам субкультуры русского революционера, как и нормам уголовного сообщества, обычно приводило к столкновению с законами Российской империи, тем самым создавая некоторую общность судеб двух групп заключенных. Э. Гоффман отмечал, что в процессе, который он назвал фратернализацией, «социально далекие друг от друга люди начинают оказывать друг другу поддержку и создают общую контрмораль в противовес системе, которая заставила их сблизиться и связала в единое эгалитарное сообщество судьбы»⁸⁰. Общее враждебное отношение к внешнему миру наиболее отчетливо наблюдается в тюрьме.

Но подобное сближение происходило не только в тюрьмах. Б.И. Колоницкий отмечает размытые границы между группами революционеров и «обычных» преступников, которые в определенных обстоятельствах – например, в дни Февральского восстания – могли действовать «схожим образом и солидарно» в рамках общего культурного кода поведения, будучи знакомы с традицией политического и социального протеста⁸¹. В начале XX века революционная, особенно анархистская субкультура зачастую имела значительные пересечения с субкультурой городских низов, пролетариата и люмпен-пролетариата, в которой нарушение закона не всегда рассматривалось как нечто предосудительное⁸². При этом и революционная субкультура не была абсолютно единой, и понимание правильного революционного поведения у министра юстиции, народного социалиста Переверзева сильно отличались от того, что казалось необходимым анархистам с дачи Дурново.

В радикальных политических движениях к членам могут предъявлять требования не только как к члену организации, но и к человеческому существу – определенные (например, спартанские) стандарты благосостояния, всепроникающие общие ценности. Т. е. то, что Гоффман называл организационными представлениями о человеке, включает также то, «чем он вообще может быть»,

⁷⁹ Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности. – С. 21, 28–29, 106.

⁸⁰ Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. – С. 84–85.

⁸¹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. – С. 20–21. См. также: Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. – P. 42–44; Ереценко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. – С. 30.

⁸² Gerasimov I. Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916. – Rochester, NY; Woodbridge: Rochester University Press, 2018; Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2011. – С. 275–277. См. также примеры из других европейских городов в начале 1910-х: Parry R. The Bonnot Gang: The Story of the French Illegalists. 2nd ed. – Oakland: PM Press, 2016; Clarke F.G. Will-o'-the-Wisp. Peter the Painter and the Anti-Tsarist Terrorists in Britain and Australia. – Melbourne: Oxford University Press, 1983.

с точки зрения организации⁸³. Исследовательница Н. Петрусенко отмечает, что поведение революционных героинь и героев до их «обращения» должно было следовать этическим нормам русского революционного подполья⁸⁴. Это, разумеется, затрудняло людям с проблемным прошлым проникновение в революционную субкультуру, хотя и не делало это невозможным.

Политический авторитет, достаточный для участия в деятельности анархистов и для превращения после гибели в мученика и героя, придавали Аснину не его ораторские или литературные таланты, скорее всего – не организационные или боевые достижения, а субкультура политической каторги. Революционная субкультура диктовала участникам «и образ жизни, и формы досуга, и круг чтения, и поведенческие нормы, ... и даже внешний вид»⁸⁵. Субкультура российского революционера была сформирована интеллигенцией, но границы интеллигентности иногда были довольно размытыми, а отношения радикализированных интеллигентов с законом – довольно напряженными⁸⁶. Будет ли большой натяжкой назвать Аснина – поэта и социолога-самоучку, сына учителя – интеллигентом? Широкое распространение революционного движения в начале XX века привело к вступлению в контакт с субкультурой революционного подполья представителей самых разных слоев российского общества. Пенитенциарная система была основной точкой, где происходил контакт между революционной и уголовной субкультурами⁸⁷. Это меняло и революционеров, и заключенных по уголовным делам.

⁸³ Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. – С. 210–211.

⁸⁴ Petrusenko N. Creating the Revolutionary Heroines. The Case of Female Terrorists of the PSR (Russia, Beginning of the 20th Century): PhD (History) Diss. – Stockholm University, 2017. – P. 309–310.

⁸⁵ Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. – С. 145.

⁸⁶ Я.С. Лурье обратил внимание, что персонаж романов И.А. Ильфа и Е.П. Петрова мошенник Остап Бендер вполне может считаться интеллигентом: Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. – С. 89–93. О возможном генезисе его самоназвания «великий комбинатор» в революционной практике экспроприаций см.: Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). – Санкт-Петербург: ШИСС, 2015. – С. 86. О пересечениях между уголовной субкультурой и анархистским движением в начале XX века см. также: Gerasimov I. Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916. – P. 35–39, 108–119; Geifman A. The Anarchists and the “Obscure Extremists” // Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion 1894–1917 / ed. A. Geifman. – Oxford; Malden MA: Blackwell Publishers, 1999. – P. 98–100.

⁸⁷ Лурье М.Л. Политические и тюремные песни в начале XX века: между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / редактор-составитель А.А. Панченко. – Москва: Новое издательство, 2013. – С. 19–38.

Introduction

Personal authority was an important source of political power during the Russian Revolution of 1917. A “revolutionary” biography, experience of political persecution, an ability to create an image resonating with the expectations of the revolutionary society, elocutionary talent, and charisma allowed influencing the society.¹ Russian society of the early 20th century was not monolithic, splintering into a number of estates and social groups. Additionally, a number of subcultures existed within Russia-wide culture. Boris Kolonitskii, a historian, noted the existence of a revolutionary underground subculture in early 20th century Russia. This “peculiar political counter-system” was linked primarily to the subcultures of the Russian intelligentsia, including the so-called “workers’ intelligentsia.”² After the February Revolution, the traditions of the revolutionary underground defined the country’s political culture and its heroes became Russia’s heroes.

What turned a person into a revolutionary in 1917 and what gave him or her political authority? How was the image of a revolutionary formed and what could destroy it? We shall discuss this using the example of the anarchist Shlioma Asnin. During the summer of 1917, he briefly turned into a symbol of the anti-government movement, a protagonist of a huge number of negative publications in the press, and simultaneously the focus of political mobilization in the working-class districts of the Russian capital. In mid-1917, Petrograd anarchist movement significantly impacted national political situation. According to researchers, Petrograd anarchists played a key role in the events known as the “June” and the “July” political crises.³ Nevertheless, we know relatively little about this movement and its participants, about the process of creation of its heroes. Consulting the materials of the anarchist movement would allow better understanding of the nature of authority in the revolutionary period.

¹ For further details, see B.I. Kolonitskii, *‘Comrade Kerensky’: The Revolution against the Monarchy and the Formation of the Cult of ‘the Leader of the People’ (March–June 1917)* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017).

² B.I. Kolonitskii, *Symbols of Power and the Struggle for Power: A Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917* [in Russian] (St Petersburg: Liki Rossii, 2012), 304–05.

³ A. Rabinowitch, *Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising* (Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991); K.A. Tarasov, *Soldiers’ Bolshevism. Military Organisation of the Bolsheviks and the Left-radical Movement in the Petrograd Garrison (February 1917–March 1918)* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017); O.N. Znamenskii, *July Crisis of 1917* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Nauka, 1964).

Asnin was the only known fatality of the June events. He died on the night of June 18 to 19⁴ when government troops were storming a villa in Petrograd's Poliustrovskaya Embankment known as the Durnovo dacha. Sources and research papers give different information regarding the victim's name (referred to as Sh., S. or N. Asnin, Asin or Astin⁵), the cause of his death (gunshot or bayonet wound) and its circumstances (suicide, accident, murder), his social status (workman, sailor, professional criminal, political activist).⁶ Asnin's death provoked major strikes and protests in the capital and extensive controversy in the press as well; literary dignitaries such as Maxim Gorky⁷ and Leonid Andreyev commented on his posthumous fate. The historian Vladimir Ginev noted that the "carnage at the Durnovo dacha" was among the factors that provoked a marked aggravation in the capital in late June which could have provoked a spontaneous armed insurrection.⁸

The Durnovo dacha, which belonged to Aide-de-camp General P. Durnovo, a member of the State Council, was turned into an organizational center of the anarchist movement in mid-April 1917, when Petrograd anarchist-communists occupied part of the building.⁹ They held meetings and rallies, painted banners, collected weapons, organized demonstrations and armed actions.

After the 18 June political demonstration ended, a group of anarchists and their supporters, some of whom were armed, demanded that the administration of Petrograd's Single-Cell Prison (*Kresty*) released the founder of the newspaper *Okopnaya Pravda* [Truth of the Trenches] Flavian Khaustov. A total of seven arrestees were released, and the anarchists brought them to the Durnovo dacha. The Provisional Government held an emergency meeting and unanimously decided to act "without balking at the use of force."¹⁰ Around 4 a.m. on the night of June 18 to 19, the Durnovo dacha was surrounded by the government troops. Anarchists refused to surrender the prisoners they had set free and to clear the premises, and soldiers and

⁴ All dates are in the Julian calendar.

⁵ The researchers mostly relied on newspaper sources which provided different spellings.

⁶ For descriptions of the incident, varying in the degree of thoroughness, see also O.N. Znamenskii, ed., *Petrograd Workers and the Great October* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1987), 221–23; V.D. Ermakov, *Anarchist Movement in Russia: History and the Present* [in Russian] (St Petersburg: Akademiya kul'tury, 1997), 51–53; V.V. Kriven'kii, *Anarchist Movement in Russia in the First Quarter of the 20th Century: Theory, Organisation, Practice* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2018), 258–60.

⁷ M. Gorky, *Untimely Thoughts: Essays on Revolution, Culture, and the Bolsheviks, 1917–1918*, trans. H. Ermolaev (New York: P.S. Eriksson, 1968), 71.

⁸ A.L. Fraiman, ed., *October Armed Uprising. 1917 in Petrograd: 2 vols.*, vol. 1 [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1967), 315.

⁹ D.I. Rublev, *Russian Anarchism in the 20th Century* [in Russian] (Moscow: Rodina, 2019), 214.

¹⁰ "Liberation of Prisoners by Anarchists" [in Russian], *Delo naroda*, June 20, 1917.

Cossacks started breaking open the doors. Anarchist-communist Anatolii Zheleznyakov, a sailor of the Kronstadt Engine School, threw several bombs at them, none of which exploded. The historian Dmitrii Rublev argued that the anarchists did not want to risk serious confrontation with the soldiers, and the hand-grenades without a fuse could hold them off for some time. One of the shots by the attacking forces fatally wounded Asnin, who stood with his back to the door on the other side of the room being stormed. After the shot was fired, soldiers and Cossacks entered the building and arrested about 60 people they found there; no further resistance was offered.

There were certain political consequences of the incident: on June 19, several large factories in Vyborgskaya Storona, a neighborhood in Petrograd, went on strike to protest against government repression. Anarchists were calling for an insurrection against the Provisional Government. Actions of the authorities, and Asnin's death in particular, provoked massive indignation, judging by the speeches of the representatives of Petrograd factories at the All-Russian Soviet Congress.¹¹ The facts about the events are pretty well-known. But the outline of events is not the only thing creating a biography, particularly a revolutionary one.¹²

Main body

It can be said that the most significant political events connected with Shlioma Aronov Asnin occurred after his death. He was the son of a Kiev teacher, a commoner (*meshchanin*) by estate from the shtetl of Ignatovka, Kiev Uyezd, Kiev Governorate (now the village of Hnativka in Kiev Region), born in 1884 or 1885. He appears to have used the name Sima or Simkha in everyday life.¹³ When he was still a teenager, Asnin attracted the attention of judicial authorities. The Kiev district court sentenced him to 15 months of imprisonment for his first burglary in 1900. In 1903, 1905 and 1907 three more burglary sentences followed, and in 1909 the Kiev military district court and the Kiev district court sentenced Asnin to eight and nine years of hard labor for acts of robbery with violence respectively, with sentences to be served

¹¹ Rublev, *Russian Anarchism in the 20th Century*, 236–42; Rabinowitch, *Prelude to Revolution*, 107–8, 116–20; M.N. Pokrovskii et al., eds., *The First all-Russian Congress of the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies: 2 vols.*, vol. 2 [in Russian] (Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1931), 105–48.

¹² D.I. Ivanov, "Early Soviet Obituaries as a Source of Revolutionary Biography: On the example of I.P. Zhuk and V.O. Likhtenshtadt (Mazin)" [in Russian], in *The Right to a Name. 20th Century Biographics: 15th Readings in Memory of V. Iofe. Collected Papers*, ed. T.B. Pritykina and E.V. Rusakova (St Petersburg: Memorial, 2018), 3–14.

¹³ These two names are not connected either between themselves or with Asnin's passport name, Shlioma. In most memoir sources, Asnin's acquaintances referred to him by the last name. Aronov was a patronymic; in the Russian Empire, commoners' and peasants' patronymics were usually recorded without the *-vich* endings reserved for nobility or other higher estates.

cumulatively.¹⁴ In 1903 Asnin was listed as a locksmith,¹⁵ so Paul Avrigh, a historian of anarchism, had reason to call him a workman – though at a stretch.¹⁶ Asnin spent nearly all of his adult life in prison. We hardly have any sources on his life at liberty. A pamphlet published in Shlisselburg after Asnin’s death said:

There are many reasons making people either political or common criminals. There were such reasons in Asnin’s life, too. He was orphaned, his mother died, his father took a step-mother, and the rest is clear for every simple mind.¹⁷

It should be noted that Asnin was sentenced not only for crimes against property but also for a state crime, *lèse-majesté*. When he was being transferred to a dark disciplinary cell of the Kiev Correctional Prison Department on April 30, 1903,

arrestee Asnin started to swear, saying among other things, “I f...ck you, I f...ck THE TSAR, I f...ck GOD, I f...ck the authorities and all of the SOVEREIGN’S FAMILY for their laws.”¹⁸

¹⁴ Excerpt from the conviction sheet. Sh.A. Asnin. June 23, 1917. “Delo po obvineniyu anarkhistov, arestovannykh na dache Durnovo” [The case of anarchists arrested at the Durnovo dacha]. F. 124, op. 68, d. 48, ll. 58–59. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

¹⁵ Notice on the start of an inquiry in the case of a commoner Shlioma Asnin. June 26, 1903. “Delo o Sh.A. Asnine, meshchanine, slesare, privilechennom k doznaniyu po 246 i 248 st. Ulozh. o nak.” [The case of Sh.A. Asnin, commoner, locksmith, investigated under articles 246 and 248 of the Code of Punishment]. F. 124, op. 24, d. 523, ll. 1–1 ob. GARF; Excerpt from the conviction sheet, Sh.A. Asnin. June 23, 1917. F. 124, op. 68, d. 48, l. 58. GARF. The documents do not mention the year of birth, only the age of 19 in 1903 and of 25 in 1910.

¹⁶ P. Avrigh, *The Russian Anarchists* (Edinburgh; Oakland: AK Press, 2005), 132.

¹⁷ *A Letter (by a Shlisselburg Inmate)* [in Russian] (Shlisselburg: tipolitografiya E.N. Kabeeva, 1917), 3. The pamphlet was most likely authored by a former Shlisselburg Hard-Labor Prison inmate Timofei Fomichev (1889–1918): the fellow prisoner Veniamin Simonovich mentioned that he published a small book of poetry after his release (V.A. Simonovich, *In the New Shlisselburg* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1934), 35). A postcard “of friendly character” was found on Asnin’s body, posted on May 12, 1917, from Timofei or Timofeev in Romania to Sima Asnin at the Soviet Executive Committee of the Shlisselburg Gunpowder Works (“Protokol osmotra perezpiski, naidennoi na trupe ‘anarkhista’ Asnina. 20 iyun. 1917” [Report on the examination of correspondence discovered on the body of ‘anarchist’ Asnin. June 20, 1917]. F. 124, op. 68, d. 48, l. 11. GARF); the pamphlet’s author mentioned (on page 2) that he was on the Romanian Front at the moment of Asnin’s death. Thereafter I will refer to Fomichev as the pamphlet’s author.

¹⁸ “Zaklyuchenie po delu o Sh.A. Asnine, obvinyaemom v prestuplenii, predusmotrennom 246 st. ulozheniya o nakazaniyakh. 26 iyun. 1903” [Pronouncement in the case of Sh.A. Asnin, accused of a crime described in article 246 of the Code of Punishment. June 26, 1903]. F. 124, op. 24, d. 523, ll. 4–4 ob. GARF.

Under articles 246 and 248 of the Code of Punishments, the recidivist who was serving his second prison term for burglary was facing up to eight years of hard labor for this swearing. After lengthy correspondence, the one-month administrative arrest that the prosecutor's office proposed for Asnin, inculpated of "pronouncing offensive words regarding THE PERSON OF HIS MAJESTY THE EMPEROR and HIS Most August Family," was replaced with seven days of prison disciplinary cell, as that could be combined with keeping him under guard.¹⁹ Swearing addressed to crown wearers in the last years of the Russian Empire was a relatively trivial crime and was not necessarily evidence of revolutionary sentiments.²⁰

However, this episode showed what gave Asnin the authority in the eyes of many other inmates, namely his preparedness to stand up to prison administrators, which was also noted by political prisoners who knew him at the Shlisselburg Hard-Labor Prison. In 1910 Asnin was transferred to Shlisselburg, where the imprisonment regime was the harshest in the Russian Empire. After the amnesty marking the 300th anniversary of the Romanov Dynasty in 1913, Shlisselburg Hard-Labor Prison administration tightened the regime and started to force the inmates of cell block no. 4 to stand up and listen to prayers in the standing position while the church choir was singing. Asnin was one of the four prisoners who refused outright to stand up for prayer and were punished with 30 days in disciplinary cell. Prison governor Wilhelm Simberg, who, according to Veniamin Simonovich, an anarchist prisoner, bore "a particular grudge" against Asnin, placed him (unlike other participants of the protest) in cell block no. 4 again. Asnin did not stand up for prayer once again and once again did he go to the disciplinary cell; yet despite ill health, "not only did he survive the disciplinary cell but walked out and even was capable of reaching the 'contagious' ward by himself,"²¹ i.e. a compartment for prisoners who could be a bad influence on others. A hard-labor prisoner, socialist-revolutionary Vasilii Goncharov noted that Asnin fell ill with tuberculosis in Shlisselburg yet he had the largest number of days spent in the disciplinary cell (247 days over six and a half years).²² Menshevik Ivan Voronitsyn, who served his hard-labor term for participation in the 1905 Sevastopol uprising in Shlisselburg, acknowledged Asnin's fighting qualities:

¹⁹ "Zaklyuchenie po delu o Sh.A. Asnine, obvinyaemom v sovershenii gosudarstvennogo prestupleniya. 7 noyab. 1903" [Pronouncement in the case of Sh.A. Asnin, accused of committing a state crime. November 7, 1903]. F. 124, op. 24, d. 523, l. 9. GARF.

²⁰ For further details, see B.I. Kolonitskii, *'Tragic Erotica': Images of the Imperial Family during World War I* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010), 43–71.

²¹ Simonovich, *In the New Shlisselburg*, 114–15.

²² V. Gradskii, "Shlisselburg Hard Labor" [in Russian], *Byloe*, no. 25 (1924), 186; no. 2 [30] (1925), 126. Goncharov used a pen name because between 1922 and 1929 he was serving a prison sentence for anti-Soviet activities.

Wizened and haggard, he was a fearless protestant, spent endless time in disciplinary cells, and eventually forced the administration to reckon with him and transfer him to cell block no. 3, where we had obtained preferential regime.²³

Such intransigence had obviously contributed to the growth of his social capital²⁴ within the hard-labor prisoner subculture, which was shared both by political and by common criminals.

Goncharov, who was punctilious about compliance with “revolutionary ethics” in prison,²⁵ wrote that the best example of positive influence exerted by political prisoners on common-criminal ones was the “rebirth” of Asnin:

He had completely renounced his past under the influence of anarchist Sandomirskii²⁶ and started a new life. In all of eight years of Shlisselburg hard labor, Asnin did not display even a single smallest streak of his common-criminal past. Under the influence of Sandomirskii he was most of all ashamed of his past, was sore about it. Due to that, he learned comradely relations, never breached them and pursued them much better than other political prisoners.²⁷

Asnin’s close Shlisselburg friend, anarchist Timofei Fomichev, also noted his adherence to the ethical norms of political prison:

²³ I.P. Voronitsyn, *From the Darkness of Hard Labor. 1905–1917* [in Russian] (Kharkov: Derzhavne Vydavnytstvo Ukrayiny, 1922), 127.

²⁴ Defined by Pierre Bourdieu, a sociologist, as “the sum of the resources, actual or virtual, that accrue to an individual or a group by virtue of possessing a durable network of more or less institutionalized relationships of mutual acquaintance and recognition” (P. Bourdieu and L. Wacquant, *An Invitation to Reflexive Sociology* (Cambridge: Polity Press, 1992), 119).

²⁵ For instance, he publicly accused Grigorii Ivashchenko, a fellow Shlisselburg Hard-Labor Prison inmate, of collaborating with the prison administration (V. Goncharov, “An Open Letter to the ‘Left’ Socialist-Revolutionary G.M. Ivashchenko” [in Russian], *Delo naroda*, December 30, 1917), 2.

²⁶ German Sandomirskii (1882–1938) was one of the leaders of Russian Anarchist Communists. In 1909–10 (or in 1909–13) he served a part of his hard-labor term for participation in the Kiev group of anarchist communists at Kiev’s Lukyanovskaya prison, which is where he is likely to have encountered Asnin who was transferred to Shlisselburg in 1910. Sandomirskii’s biography can be found in M.M. Konstantinov, ed., *Political Hard Labor and Exile. Biographical Reference Book of the Members of the Society of Former Political Hard-Labour Prisoners and Exiles* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1934), 569; V.V. Shelokhaev et al., eds., *Political Parties of Russia. End of the 19th – First Third of the 20th Century. Encyclopaedia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1996), 547–48.

²⁷ Gradskii, “Shlisselburg Hard Labor,” *Byloe*, no. 26 (1924), 128–29. According to a list compiled by the members of the Shlisselburg fraternity of the Society of Former Political Prisoners, Asnin spent about six and a half years in Shlisselburg.

He who knew Asnin in prison would never speak ill of him: there were few fighters like the converted Asnin.²⁸

Voronitsyn was more skeptical and considered Asnin “a colorful figure” of the type of semi-criminal, semi-political prisoner:

In new political circumstances and in new prison environment the qualities which in the days of yore would combine to form a peculiar figure of a rover who would cross the stormy Baikal Lake in an omul-fish barrel and assert his inimitable personality in a series of daring crimes, were now transformed into an accomplished type of an eternal anarchist and rebel, brave but criminal.²⁹

In Shlisselburg, political prisoners knew Asnin as a self-taught poet. In jail he threw himself into self-education, and tried to conduct a sociological study to predict the character of the coming Russian revolution using data from the questionnaires filled out by fellow prisoners.³⁰ Such “conversions” of common-criminal prisoners under the influence of propaganda prisoners into revolutionaries were not common but they did occur. In most cases, common-criminal and political inmates in the prisons of the Russian Empire kept apart and maintained a degree of mutual hostility.³¹ The inmates of the two categories at the Shlisselburg Hard-Labor Prison, however, often maintained comradely relations and solidarized in their opposition to the administration. Getting the status of a criminal and corresponding treatment are not necessarily connected to what a person has committed, as a sociologist Howard S. Becker noted.³² Likewise, the status of a “political” – as Asnin’s case demonstrates – could be obtained due to the behavior amongst other inmates in prison but not due to the actions for which the hard-labor sentence was pronounced.

²⁸ *A Letter (by a Shlisselburg Inmate)*, 3.

²⁹ Voronitsyn, *From the Darkness of Hard Labor*, 127. Voronitsyn refers to the lyrics of the Siberian folk song “Glorious Sea, Sacred Baikal.”

³⁰ Gradskii, “Shlisselburg Hard Labor,” *Byloe*, no. 2 [30] (1925), 128; *A Letter (by a Shlisselburg Inmate)*, 2–4. Fomichev provides an excerpt from a message in verse that Asnin sent to him from the prison hospital:

You, my friend,
Do not know my suffering,
Do not know how the disease
Oppressively chained my hands:
Etc., etc.

³¹ I am grateful to Konstantin Morozov and Alla Morozova for this point.

³² H. Becker, *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance* [in Russian], trans. N. Farkhatdinov (Moscow: Elementarnye formy, 2018), 11. The 2005 preface cited here was not included in the English version of the book.

In early 1917, Asnin was imprisoned in the cell block no. 3 (originally built for the People's Will members), where most political prisoners were kept. He worked as a haircutter, a trade he probably learned in prison, and was in the center of events: "Prisoners were always crowding around him, passing notes, news, [information about] events."³³ During the February Revolution, the prison administration initially released about 65 or 70 "indubitable" political prisoners. Bolshevik Vasilii Rumiantsev named Asnin amongst this first group of "pure" political prisoners liberated from the fortress,³⁴ which appears to be a slip of the memory. Asnin's cellmate Simonovich, who was indeed liberated on February 28, wrote that Asnin remained in prison.³⁵ He was released only on March 1, like many of those whose "political" status was not contested.³⁶

³³ Simonovich, *In the New Shlisselburg*, 182–83.

³⁴ V. Rumiantsev, "The Comrades Have Come! A Memoir of Liberation from Shlisselburg" [in Russian], in *To Freedom! The Fall of Autocracy, Liberation from Tsarist Prisons and Hard Labour: A Collection of Memoirs for the 10th Anniversary of the February Revolution. 1917–1927* (Leningrad: Priboi, 1927), 17.

³⁵ V. Simonovich, "From the Shlisselburg Fortress to Freedom (A Memoir of Liberation)" [in Russian], in *To Freedom! The Fall of Autocracy, Liberation from Tsarist Prisons and Hard Labour*, 7–9.

³⁶ Asnin's status as a "political" was not questioned by other prisoners; he was included in the lists of political inmates compiled by the members of the Shlisselburg fraternity of the Society of Former Political Prisoners, the historian Sergei Gessen and the memoirist Veniamin Simonovich respectively (as Simkha Asnin) ("List of Political Hard-labor Prisoners Liberated from the Shlisselburg Fortress by the 1917 Revolution" [in Russian], in *To Freedom! The Fall of Autocracy, Liberation from Tsarist Prisons and Hard Labour*, 54; "Biograficheskii spisok politicheskikh zaklyuchennykh Novogo Shlissel'burga 1907–1917 [1934]" [Biographical list of political prisoners of the New Shlisselburg, 1907–1917 [1934]]. List of former Shlisselburg fortress inmates. F. R-4000, op. 7, d. 348, l. 4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Historical Political Documents of St Petersburg] (TsGAIPD SPb), St Petersburg, Russia; Simonovich, *In the New Shlisselburg*, 53).

A group of former political inmates of the Shlisselburg Hard-Labor Prison, March or April 1917. Vladimir Malashkin (sitting first from the left), Shlioma Asnin (standing fifth from the left), Vladimir Likhtenshtadt (standing sixth from the left), Aleksei Sukhorukov (seventh), Fedor Shavishvili (eighth).

Source: G 11960. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Film, Photo and Phonographic Documents of St Petersburg] (TsGAKFFD SPb), St Petersburg, Russia.

Photographs made in March 1917 shortly after the liberation show that Shlisselburg's political prisoners considered him one of their own. Asnin was photographed as a member of militia (*druzhina*) including Shlisselburg Gunpowder Works' workers and former hard-labor prisoners.³⁷ He was photographed side by side with the participants in the 1906 terrorist attack which targeted Prime Minister Pyotr

³⁷ A group of political hard labor inmates, last prisoners of the fortress. March–April 1917. G 11960. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Film, Photo and Phonographic Documents of St Petersburg] (TsGAKFFD SPb), St Petersburg, Russia. The photograph was reproduced in Yu.D. Margolis and V.I. Sandler, *Through Time... Documentary Essays* [in Russian] (Moscow: Molodaya gvardiya, 1968), insert between pp. 192 and 193. For a part of the photo in which Asnin, Likhtenshtadt, socialist-revolutionary Aleksei Sukhorukov and Shavishvili were identified, see K.S. Leonidova, comp., *On the Hard-labour Island. Diaries, Letters and Memoirs by Political Hard-labour Inmates of the 'New Shlisselburg' (1907–1917)* [in Russian] (Leningrad: Lenizdat, 1966), 206. See also First militia detachment. March 1917. G 11961. TsGAKFFD SPb. Reproduced in G.P. Ignat'eva et al., *Shlisselburg Fortress: A Guide Book* [in Russian] (Leningrad: Lenizdat, 1986), insert between pp. 64 and 65.

Stolypin: Vladimir Likhtenshtadt (a member of the factory revolutionary committee, a Menshevik in 1917) and socialist-revolutionary maximalist Vladimir Malashkin (chief of the factory militia), as well as anarchist-communist Fedor Shavishvili (aide to the chief of the factory militia). Likhtenshtadt was one of the informal leaders of Shlisselburg's political prisoners and his membership in the revolutionary subculture was not challenged by anyone.³⁸ Shavishvili's revolutionary record was also considered sufficient to grant him membership in the All-Union Society of Former Political Prisoners and Exiles, which he kept until the organization was disbanded in 1935.³⁹ On the society's request, the family of Malashkin, who died in 1920 after an arrest by the counter-intelligence of the Whites, was also receiving a pension.⁴⁰ After his release from prison, for about three months Asnin worked as an aide to the Shlisselburg Gunpowder Works' factory militia chief.⁴¹ In the post-February period such a post required revolutionary loyalty rather than special policing skills, thus a hard-labor prisoner who had been liberated from the Shlisselburg fortress "by the will of the people in uprising" was quite suitable.

³⁸ I.I. Ionov, *Vladimir Osipovich Likhtenshtadt (Mazin): An Obituary* [in Russian] (Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921); N.K. Gerasimova and A.D. Margolis, "To You and about You is My Last Word": V.O. Likhtenshtadt's Letters to M.M. Tushinskaya [in Russian], in *The Past. Historical Almanac*, vol. 20 (Moscow; St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1996), 129–65.

³⁹ Konstantinov, ed., *Political Hard Labor and Exile*, 716; F.A. Shavishvili, *Tsar's Hard Labor. Memoirs of a Former Political Hard-labour Prisoner* [in Russian], trans. N. Mikava (Tbilisi: Merani, 1977).

⁴⁰ "Ot Tsentral'nogo soveta Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev – tsentral'noi komissii po naznacheniyu personal'nykh pensii pri NKSO. 14 yanv. 1928" [Central council of the All-union society of former political hard-labor prisoners and exiles to the central commission for assignment of personal pensions under the People's Commissariat for Social Security. January 14, 1928]. Malashkin V.D. F. A-539, op. 3. d. 6466, l. 40. GARF.

⁴¹ S.M. Shcherbovich, *The Struggle of the Working Classes of Shlisselburg Uyezd, Petrograd Governorate, for the Establishment of the Soviet Power in 1917–1918* [in Russian] (PhD diss, Leningrad State Pedagogical Institute, 1988), 46–47.

Shlisselburg Gunpowder Works' militiamen Shlioma Asnin (left) and Ivan Vishnyakov, April 1917.
Source: G 16485. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga
[Central State Archive of Film, Photo and Phonographic Documents of St Petersburg
(TsGAKFFD SPb), St Petersburg, Russia.

By June, Asnin had moved to Petrograd where he contributed to propaganda of anarchism amongst the Vyborgskaya Storona workers. He was making speeches in the Durnovo dacha garden, but, according to militiaman Semen Tret'yakov, not as frequently as another ex-Shlisselburg inmate, anarchist Pavel Kolobushkin.⁴² Asnin also addressed a rally in Kronstadt on June 8 or 9, where he tried to mobilize support of the crowd for an anti-government demonstration scheduled for June 10. Ivan Flerovskii, one of the Kronstadt Bolshevik leaders, gave Asnin the following description:

Asnin was extremely picturesque on the rostrum. A long black coat, a soft, wide-brimmed hat, his black blouse hanging loose, high hunting boots, a brace of revolvers in his belt, and, in his hand, a swinging rifle on which he leaned. I don't remember the face, only a

⁴² "Protokol doprosa militsionera I Vyborgskogo podraiona S.S. Tret'yakova. 26 iyul. 1917" [Record of examination of the 1st Vyborgskii subdistrict's militiaman S.S. Tret'yakov. July 26, 1917]. Cases of Bagdat'ev, Kolobushkin, Polyakevich. F. 1826, op. 1, d. 19, l. 74 ob. GARF.

black spade beard stuck in my memory. A carbonari, a conspirator... Even the mass calmed down on seeing such a spectacular and uncommon figure.⁴³

According to Flerovskii,

the splendid specimen of the Durnovo dacha dwellers turned up to be a tongue-tied, worthless speaker.⁴⁴

So the Kronstadt sailors, soldiers and workers did not support his call to join the demonstration in Petrograd. Asnin appears even more swashbuckling but charismatic in fictionalized memoirs by the ex-member of the Bolshevik military organization Aleksandr Tarasov-Rodionov:

“Co-o-omrades!” some shaggy citizen in a wide-brimmed felt hat was already booming from it [the rostrum in Kronstadt’s Anchor Square]. Brown-skinned chest with black curly hair, shining in the sun, was showing through the wide-open collar of his bright-red shirt.

“Co-o-omrades!” he shouted, anxiously holding on to the flaps of his picturesque black coat with thin hands. “We anarchists are calling on you: rise up before it’s too late! To hell with the Provisional Government! To hell with the Soviets! To hell with any kind of authorities! . . .”

“So what do you propose?” a worker who stood at some distance called him hesitatingly.

“An uprising!” Asnin flapped his coat. “An immediate toppling of all bourgeoisie!”

And the crowd broke into a rapturous applause.⁴⁵

The discrepancy in the descriptions of the same episode may be explained by the fact that Tarasov-Rodionov toed the party line in 1917 not as well as Flerovskii did, thus possibly he did not adhere to it in his memoirs either.⁴⁶ Soviet historians of anarchism, however, always cited Flerovskii because his text was quite orthodox and presented the anarchists as confused and despicable, just accidental fellow travellers of the Bolsheviks.⁴⁷

Several days later Asnin, now deceased, had neither a black coat nor a red shirt on.

⁴³ I.P. Flerovskii. *Bolshevik Kronstadt in 1917 (from personal recollections)* [in Russian] (Leningrad: Lenizdat, 1957), 45–46. Parts of the text were translated in I. Getzler, *Kronstadt 1917–1921: The Fate of a Soviet Democracy* (Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983), 104.

⁴⁴ Flerovskii, *Bolshevik Kronstadt*, 45–46.

⁴⁵ A.I. Tarasov-Rodionov, *July* [in Russian] (Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisatelei, 1933), 58.

⁴⁶ Tarasov, *Soldiers’ Bolshevism*, 197. The writer’s description of Asnin is generally rather sympathetic, see also Tarasov-Rodionov, *July*, 281.

⁴⁷ See, e.g., S.N. Kanev, *October Revolution and the Collapse of Anarchism (The struggle of the Bolshevik Party against Anarchism, 1917–1922)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1974), 76.

Dressed in a navy-cut white canvas jacket with a light-blue sailor collar with a calico shirt underneath. High boots, underneath which footwraps were found; tricot trousers, and long johns with name tags saying B. P. underneath.⁴⁸

Prosecutor's office claimed that after Asnin was liberated from prison, he started wearing sailor's uniform without any legitimate cause and spoke at a rally in such a costume, "agitating with much passion against the Provisional Government."⁴⁹ But in Kronstadt, where that could have been most advantageous, Asnin did not try to pass himself for a sailor. Both known descriptions of his speech in *Yakornaya ploshchad'* [Anchor Square] seem to have more in common with the cartoons depicting anarchists in the Petrograd press. A black coat, a hat, curly hair in an open red shirt, something in the style of Italian brigands as depicted in cheap detective books, – that was the most common image of anarchists in Russian popular culture.

During the examination of Asnin's body in the autopsy room of the Military Medical Academy his tattoos also became known:

On the central surface of the right forearm there is a tattooed figure of dark-blue color depicting a naked woman, and by her legs there are two letters, M and B, and on the right side, the name Marfusha. On the central surface of the left forearm there is also a sign of tattoo depicting an anchor and a heart pierced by an arrow. On the back, on its right half, there is a figure of a tattoo depicting a penis with a part of scrotum, 11 centimeters long and 5 centimeters wide; below this figure, right under the right shoulder-blade, there is a large tattoo of the word *kh...* in cursive.⁵⁰

Colonel Boris Nikitin, the head of the Petrograd Military District's counterintelligence service, wrote that the discovery of Asnin's tattoos was a great help to the government forces in justifying the raid on the Durnovo dacha. Minister of Justice Pavel Pereverzev ordered to take photographs of the corpse and presented them to the Soviet as evidence of anarchists' connections with common criminals.⁵¹ The extant protocols of the Petrograd Soviet do not contain any direct mentions of these photographs but the postmortem examination results appear to have been discussed during

⁴⁸ "Protokol naruzhnogo sudebno-meditsinskogo osmotra trupa Sh.A. Asnina. 19 iyun. 1917" [Report on the external medico-legal examination of the corpse of Sh.A. Asnin. June 19, 1917]. F. 124, op. 68, d. 48, l. 35. GARF.

⁴⁹ "On the arrest of the anarchists" [in Russian], *Rech*, June 24, 1917, 5.

⁵⁰ "Protokol naruzhnogo sudebno-meditsinskogo osmotra trupa Sh.A. Asnina. 19 iyun. 1917" [Report on the external medico-legal examination of the corpse of Sh.A. Asnin. June 19, 1917]. F. 124, op. 68, d. 48, ll. 39–39ob. GARF. The word *kh...* [prick] tattooed on Asnin's back is one of the key Russian taboo profanities known as *mat*.

⁵¹ B.V. Nikitin, *Fateful Days (New Testimony by a Participant)* [in Russian] (Moscow: Airis-Press, 2007), 126; T. Hasegawa, *Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd* (Cambridge, MA; London: Belknap Press, 2017), 85.

the general assembly on June 20.⁵² Flerovskii credited Asnin's posthumous notoriety to the tattoo discovered on his body, on the occasion of which "the yellow conciliator's press made a savage dance."⁵³ For instance, according to a columnist of the *Petrogradskaya Gazeta* [Petrograd Newspaper], tattooing was so widespread amongst seasoned criminals that "that fact alone could serve as Asnin's testimonial."⁵⁴ The historian Tsuyoshi Hasegawa even claimed that Asnin's tattooed body was displayed to the public⁵⁵ although his tattoos became known to the public only after the postmortem examination results had been disclosed. The violence was now justified because there was something its victim could be blamed for. It also helped discredit the anarchist movement in general because their opponents had obtained evidence of the anarchists' links to the common-criminal subculture even before Asnin's conviction sheet was produced.

The newspaper *Rech* [Speech], the central publication of the liberal Party of People's Freedom (Kadets), could seldom use such dashing material in its political commentary:

The professors who conducted the autopsy were very interested in the tattoo. According to them, pictures of this sort on the body are very widespread amongst jail dwellers, and are an evidence of obscene sexual perversions.⁵⁶

Columnist Vladimir Bogoraz-Tan, who held moderate socialist views, also used postmortem results which indicated that "an organ of human body with a corresponding inscription was found tattooed" on Asnin's back in order to question the justification of the protests provoked by his death:

Around this body, a guard of honor was on duty all night, inflammatory speeches were being made, excited people were preparing to "rip out the guts" of the *burzhui*.⁵⁷

⁵² B.D. Gal'perina and V.I. Startsev, eds., *Petrograd Soviet of the Workers' and Soldiers' Deputies in 1917. Minutes, Transcripts and Reports, Resolutions and Rulings by General Assemblies, Section Assemblies, Executive Committee Meetings, Bureau of the Executive Committee and Fac-tions* [in Russian], vol. 3 (Moscow: ROSSPEN, 2002), 347.

⁵³ Flerovskii, *Bolshevik Kronstadt*, 45. In Bolshevik parlance, the word "conciliators" (*soglashateli*) referred to moderate socialists who supported the alliance with the liberals.

⁵⁴ Spectator, "Tattooing and the Criminals" [in Russian], *Petrogradskaya gazeta*, June 28, 1917, 2. The journalist noted that European and American gilded youth had also embraced the tattooing trend, with some tattoos produced by the Russian painter Léon Bakst.

⁵⁵ Hasegawa, *Crime and Punishment in the Russian Revolution*, 85.

⁵⁶ "On the arrest of the anarchists" [in Russian], *Rech*, June 21, 1917, 3.

⁵⁷ Tan, "Results of June 18" [in Russian], *Russkaya volya*, June 21, 1917 (morning edition), 2. The word *burzhui* is a colloquial pejorative for bourgeois.

When describing his elation at the arrival of the Finnish White Guard troops to his mansion in May 1918, the writer Leonid Andreyev mentioned Asnin's posthumous photograph as a contrasting example of disorder and horror brought by the revolution:

On the Nevsky Prospekt I once saw. . . anarchists marching with a banner saying "Death to the *burzhui*," they were preparing for the stupidest and absolutely reckless funeral of Asin [sic], that very brigand and ignoble dullard on whose back it was brusquely tattooed *kh*... Later I saw his photograph and experienced human horror from the sight of this godless, dull and ignoble back of the head.⁵⁸

Even the Bolshevik daily *Pravda*, which studiously ignored most of the events related to Asnin's death, ran a front-page notice with strong recommendation for party members and sympathizers to refrain from participation in his funeral on June 24.⁵⁹ By that time, as the *Rech* remarked with some satisfaction, the interest in the arrest of the anarchists and in Asnin's death had largely subsided, in part due to the publication of the results of postmortem examination of the body in the papers.⁶⁰ David Aizman, a writer, noted sarcastically:

No one wants to believe in Asnin's idealism! . . . The legend has faded away. The dream has died. The illusion has perished. And only one naked fact has remained: the tattoo. So it always goes: the make-up gets wiped off the face entirely and without a trace. But the tattoo is preserved on the back forever.⁶¹

Thus Asnin's positive revolutionary reputation which had been formed inside the revolutionary prison subculture was not persuasive enough for the society as a whole. Fear of crime made any other way of "assembling" the image impossible, and an alternative descriptive language, unreadable. The contrasting evaluation was registered by a former Shlisselburg inmate Fomichev in the poem "The Dying Criminal" dedicated to Asnin:

And so the end has come... death is over the shoulder already...
Farewell, you vicious world!.. By you I'm scorned: a thief!
But you must know as well: the centuries will judge
How just is your severe verdict...⁶²

⁵⁸ L.N. Andreev, 'The case on Russia's suicide.' From Leonid Andreyev's diary [in Russian], *Istochnik*, no. 2 (1994), 46.

⁵⁹ "On the funeral" [in Russian], *Pravda*, June 24, 1917, 1.

⁶⁰ "On the arrest of the anarchists" [in Russian], *Rech*, June 23, 1917, 5.

⁶¹ D. Aizman, "Make-up and Tattooing" [in Russian], *Russkaya volya*, July 2, 1917 (morning edition), 3.

⁶² *A Letter (by a Shlisselburg Inmate)*, 16. The iambic lines in the Russian original rhyme.

In Shlisselburg, as the fellow prisoner Voronitsyn noted, Asnin was embarrassed to show his “shameless” tattoo. He always chastely covered this sign of his common-criminal past “with a towel when going to the washing house, only allowing a few close friends to have a look at the ‘picture’ in a quiet corner.”⁶³ Fomichev did not deem these “childhood sins” deserving particular attention at all:

A person that did time and tried to get to know all prison inmates better, without making a distinction between common and political criminals, would not fear tattoos or personal background: what matters is not what a person used to be, but what he is like now.⁶⁴

Such optimistic beliefs regarding people’s ability to change under the influence of changing social conditions were widespread in 1917.⁶⁵

Asnin’s acquaintances linked the origins of his infamous tattoo to the “common-criminal” period of his life but did not offer any semiotic explanations. Mikhail Gernet, a criminologist, noted that before the 1917 Revolution, scientific data regarding tattoo among Russian prisoners were not collected⁶⁶ so the literature can provide, at best, approximate explanations of this practice. Among the motives for getting tattooed which Odessa inmates named during a 1920s study, psychiatrist Yakov Kogan highlighted idleness and boredom, thoughtlessness, and imitation as most common. Occasions when people were tattooed “against the will of the person being tattooed” were relatively rare, but in this case the person usually could select the picture.⁶⁷ Tattoos on the back were extremely rare, which was explained, among other things, by the fact that sometimes the tattooists could tattoo “a picture (most frequently pornographic) undesirable for the subject.”⁶⁸ Kogan noted that “pornographic inscriptions” occurred infrequently but pictures of erotic character, on the contrary, were quite common.⁶⁹ Apparently, the tattoo of a naked woman with the name Marfusha on Asnin’s forearm can be placed in this category. “Cynical” tattoos

⁶³ Voronitsyn, *From the Darkness of Hard Labor*, 127.

⁶⁴ *A Letter (by a Shlisselburg Inmate)*, 3.

⁶⁵ See, e.g., D.Yu. Ereshchenko, *Crime in Petrograd, 1914–1917* [in Russian] (PhD thesis, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2003), 26–27.

⁶⁶ M.N. Gernet, “Tattoo in Moscow’s Penal Institutions” [in Russian], in *Moscow’s Criminal World*, ed. M.N. Gernet (Moscow: Pravo i zhizn’, 1924), 218–19.

⁶⁷ Ya.M. Kogan, “On Tattooing amongst Criminals,” in *Study of Crime and Penitentiary Practice*, iss. 2 (Odessa: Glavnoe upravlenie ispravitel’no-trudovymi uchrezhdeniyami USSR, 1928), 92–96. I. Roldugina had kindly pointed this study out to me.

⁶⁸ Kogan, “On Tattooing amongst Criminals,” 72–73, 82. Egon Erwin Kisch, a Czechoslovak journalist, recalled how during his service in the Austro-Hungarian army in 1904–05 he received a tattoo on his back that was very dissimilar to what the tattooist promised, as there was no mirror in the military detention room. See E.E. Kisch, *Egon Erwin Kisch, the Raging Reporter. A Bio-Anthology*, comp. H.B. Segel (West Lafayette: Purdue University Press, 1997), 206–7.

⁶⁹ Kogan, “On Tattooing amongst Criminals,” 78–79.

were very rarely found on the inmates who were examined by Moscow criminologists in 1924.⁷⁰ In most cases, the owners of the tattoos who were examined in the 1920s told criminologists about feeling regret, often caused by perception of the tattoo as a sign of belonging to the criminal world, and only rarely about being proud of their tattoos (usually when those were evidence of marine service).⁷¹ Tattoos were associated with crime not only in the USSR: Albrecht “Ali” Höhler, a member of the Red Front Fighters Association and SA Sturmführer Horst Wessel’s assassin, was perceived by his contemporaries as a common criminal largely thanks to his numerous tattoos.⁷² Since the owners rarely attached any importance to the contents of their tattoos, Mikhail Gernet concluded that “the contents of pictures or inscriptions in tattoos do not provide any valuable material for the description of the persons who have these tattoos.”⁷³ But an assumption can be made regarding the intentions.

Soviet prisoners’ tattoos “displayed a dark (and vulgar) humor alien to official culture,” Miriam Dobson, a historian, observed.⁷⁴ Tattoos could well have been used to declare alienation from the state in the pre-revolutionary period as well. The actions of an inmate in the so-called total institutions (such as prisons, psychiatric asylums or army barracks), can amount to “attempting to stand apart from the place accorded him,” which sometimes leads, according to the sociologist Erving Goffman, to pretty bizarre forms of alienation. Offensive tattoos obviously could be one of such methods for demonstrating personal autonomy and selfhood, construction of an escape world to replace prison. Disobedience, including covert disobedience, can demonstrate alienation from the institution or give meaning to being inside one.⁷⁵ Apparently, the tattoo on Asnin’s back was quite an idiosyncratic work. It is even possible that he was not the one responsible for the choice of the picture. But his criminal past was unlikely to remain hidden even if his tattoos could have been kept a secret.

⁷⁰ Gernet, “Tattoo in Moscow’s Penal Institutions,” 242–45.

⁷¹ Kogan, “On Tattooing amongst Criminals,” 96–99.

⁷² Höhler was indeed connected to the criminal world as a procurer and a pimp, but his January 1930 clash with Wessel seems to have also had political reasons. See D. Siemens, *The Making of a Nazi Hero. The Murder and Myth of Horst Wessel*, trans. D. Burnett (London; New York: I.B. Tauris, 2013), 78–79. Tattoos did not necessarily mean belonging to the world of crime amongst European communists of the 1920. Kisch’s 1925 essay “My Tattoos” can be an example (Kisch, *Egon Erwin Kisch, the Raging Reporter*, 205–13.)

⁷³ Gernet, “Tattoo in Moscow’s Penal Institutions,” 246.

⁷⁴ M. Dobson, *Khrushchev’s Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin* (Ithaca: Cornell University Press, 2009), 114. T. Polyakova had kindly pointed this study out to me.

⁷⁵ E. Goffman, *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* (Garden City: Anchor Books, 1961), 307–14, quote on p. 307.

Conclusion

Increased interest in Asnin's tattoo was caused not only by its sensational character but also by the fact that it made the discussion of anarchists' political positions superfluous. As the psychiatrist Thomas S. Szasz noted, deviancy, criminality or undesired political views are often treated as evidence of mental illness although the causes of unacceptable behavior can be quite rational. If a person is treated as an equal, disagreements or fights are possible, but relations of inferiority make a person crazy to the opponent.⁷⁶ That, of course, also applies to the revolutionary subculture. For instance, the historian Nadezda Petrusenko showed that for many Russian conservatives the simplest explanation of women's participation in terrorist activities of the Socialist Revolutionary Party was to declare them to be mad.⁷⁷ But pathologizing the opponents not only made understanding their actions harder but also precluded any way of settling disagreements other than violence.

Revolutionism can be considered a type of deviant behavior, as the historian Konstantin Morozov observed.⁷⁸ All social groups have an understanding of right and wrong actions and enforcement of certain rules. Yet a person can break the rules of one group just by adhering to the rules of the other, and the behavior which flouts conventional social norms can be admired within a subculture. Thus, as a sociologist Howard S. Becker demonstrated, social groups create deviation by developing their own rules.⁷⁹ Adhering to the rules of the Russian revolutionary subculture, as well as to the norms of common-criminal community, usually led to a conflict with the laws of the Russian Empire and thus created experiences shared by the two groups of inmates. Goffman noted that in the process he termed fraternalization, "socially distant persons find themselves developing mutual support and common counter-mores in opposition to a system that has forced them into intimacy and into a single, equalitarian community of fate."⁸⁰ Shared hostility to the outside world was clearly observed in prison.

But such bonding occurred outside of prisons as well. Boris Kolonitskii points out fuzzy boundaries between groups of revolutionaries and "common" criminals who under certain circumstances – for instance, during the February Uprising – could act "in a similar manner and in solidarity" within the framework of shared cultural code

⁷⁶ Quoted in H.S. Becker, *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance*, 6; Goffman, *Asylums*, 364–65.

⁷⁷ N. Petrusenko, "Female Terrorists: Political or Just Mad? Conservative Narratives in the Historiography of Early 20th Century Female Terrorism in Russia," *Baltic Worlds*, no. 4 (2017), 83–89.

⁷⁸ K.N. Morozov, "Phenomenon of the Russian Revolutionary Subculture in the Early 20th Century" [in Russian], in *The Person and the Individual in the History of Russia, Late 19th–20th Century. Materials of the International Colloquium* (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013), 135.

⁷⁹ Becker, *Outsiders*, 1, 7–9, 87.

⁸⁰ Goffman, *Asylums*, 56.

of behavior, being familiar with the tradition of political and social protest.⁸¹ In the early 20th century revolutionary subculture, anarchist subculture in particular, had significant similarities with the subculture of urban lower classes, proletariat and lumpen-proletariat, in which law-breaking was not always seen as something objectionable.⁸² Revolutionary subculture itself was not monolithic either, and the understanding of the right revolutionary behavior by Minister of Justice Pereverzev, a popular socialist, was rather different from what the Durnovo dacha anarchists deemed necessary.

Radical political movements may delineate standards for their members not only as members but also as human beings: certain (e.g. Spartan) standards of welfare, pervasive common values. What Goffman termed organizational conceptions of man includes “all that he may be” from the point of view of the organization.⁸³ Petrusenko notes that the behavior of revolutionary heroes and heroines prior to their “conversion” had to conform to the ethical norms of the Russian revolutionary underground.⁸⁴ Such mechanisms made it difficult, though not impossible, for people with problematic past to join the revolutionary subculture.

Asnin derived the political authority sufficient for participation in the anarchist activities and for turning into a martyr and a hero after his death not from his elocutionary or literary talents, most likely not from his organizational or combat skills either, but from the political hard-labor subculture. Revolutionary subculture dictated to its participants “lifestyle, and forms of leisure, and range of books to read, and behavioral norms, . . . and even personal appearance.”⁸⁵ Russian revolutionary subculture was formed by the intelligentsia, but the boundaries of intelligentsia as a group were often rather blurred, and relations of radicalized *intelligenty* [members of intelligentsia] with the law were frequently rather tense.⁸⁶ Would it be too much of a

⁸¹ Kolonitskii, *Symbols of Power and the Struggle for Power*, 20–21. See also Hasegawa, *Crime and Punishment in the Russian Revolution*, 42–44; Ereshchenko, *Crime in Petrograd, 1914–1917*, 30.

⁸² I. Gerasimov, *Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916* (Rochester, NY; Woodbridge: Rochester University Press, 2018); L.Ya. Lur'e, *Petersburgers. Russian Capitalism. The First Attempt* [in Russian] (St Petersburg: BKhV-Peterburg, 2011), 275–77. For the examples from other European cities in the early 1910s, see also R. Parry, *The Bonnot Gang: The Story of the French Illegalists*, 2nd ed. (Oakland: PM Press, 2016); F.G. Clarke, *Will-o'-the-Wisp. Peter the Painter and the Anti-Tsarist Terrorists in Britain and Australia* (Melbourne: Oxford University Press, 1983).

⁸³ Goffman, *Asylums*, 179–80.

⁸⁴ N. Petrusenko, *Creating the Revolutionary Heroines. The Case of Female Terrorists of the PSR (Russia, Beginning of the 20th Century)*, (PhD diss., Stockholm University, 2017), 309–10.

⁸⁵ Morozov, “Phenomenon of the Russian Revolutionary Subculture in the Early 20th Century,” 145.

⁸⁶ Yakov Lur'e noted that Ostap Bender, a con man, the hero of the 1920s novels by Ilf and Petrov, may well be considered an *intelligent* (Ya.S. Lur'e, *In the land of unfrightened idiots*.

stretch to call Asnin – a self-taught poet and sociologist, teacher’s son – an *intelligent*? The rapid growth of the revolutionary movement in the early 20th century brought representatives of very different layers of Russian society into contact with the revolutionary underground subculture. Penitentiary system was the main point of contact between revolutionary and common-criminal subcultures.⁸⁷ It changed both the revolutionaries and the inmates sentenced for common crimes.

Список литературы

Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности / перевод Н. Фархатдинова. – Москва: Элементарные формы, 2018. – 272 с.

Герасимова Н.К., Марголис А.Д. К тебе и о тебе мое последнее слово: письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // Минувшее. Исторический альманах. Т. 20. – Москва; Санкт-Петербург: Atheneum-Феникс, 1996. – С. 129–165.

Гернет М.Н. Татуировка в местах заключения г. Москвы // Преступный мир Москвы. под редакцией М.Н. Гернета. – Москва: Право и жизнь, 1924. – С. 218–246.

Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). – Санкт-Петербург: ШИСС, 2015. – 176 с.

Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / перевод с английского А. Салина. – Москва: Элементарные формы, 2019. – 464 с.

Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2003. – 31 с.

Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность. – Санкт-Петербург: Академия культуры, 1997. – 202 с.

Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 272 с.

Иванов Д.И. Ранние советские некрологи как источник революционной биографии: на примере И.П. Жука и В.О. Лихтенштадта (Мазина) // Право на имя. Биографика XX в.: 15-е чтения памяти В. Иофе. Сборник докладов. – Санкт-Петербург: Мемориал, 2018. – С. 3–14.

Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922 гг.) – Москва: Мысль, 1974. – 431 с.

A book about Ilf and Petrov [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2005), 89–93). On the possible genesis of Bender’s self-description as ‘the great combinator’ in the revolutionary practice of expropriations, see Yu.E. Glushakov, ‘*Revolution is Dead! Long Live Revolution!*’: *Anarchism in Belarus (1902–1927)* [in Russian] (St Petersburg: ShSS, 2015), 86. On the crossover of common-criminal subculture and the anarchist movement in the early 20th century see also Gerasimov, *Plebeian Modernity*, 35–39, 108–19; A. Geifman, “The Anarchists and the ‘Obscure Extremists,’” in *Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion 1894–1917*, ed. A. Geifman (Oxford; Malden MA: Blackwell Publishers, 1999), 98–100.

⁸⁷ M.L. Lur'e, “Political and Prison Songs in the Early 20th Century: between Propaganda and Folklore” [in Russian], in *Russian Political Folklore: Studies and Publications*, ed. A.A. Panchenko (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2013), 19–38.

Коган Я.М. О татуировке у преступников // Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 2. – Одесса: Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями УССР, 1928. – С. 53–112.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – Санкт-Петербург: Лики России, 2012. – 320 с.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 520 с.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 657 с.

Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. – Москва: РОССПЭН, 2018. – 430 с.

Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2011. – 288 с.

Лурье М.Л. Политические и тюремные песни в начале XX века: между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор: Исследования и публикации / редактор-составитель А.А. Панченко. – Москва: Новое издательство, 2013. – С. 19–38.

Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. – 236 с.

Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX в. Материалы международного коллоквиума. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – С. 134–148.

Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / ответственный редактор А.Л. Фрайман. – Ленинград: Наука, 1967.

Питерские рабочие и Великий Октябрь / ответственный редактор О.Н. Знаменский. – Ленинград: Наука, 1987. – 488 с.

Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде / перевод с английского Т.В. Никольской. – Москва: Республика, 1992. – 272 с.

Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. – Москва: Родина, 2019. – 704 с.

Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917–март 1918 г.). – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 376 с.

Щербович С.М. Борьба трудящихся Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1988. – 158 с.

Avrich P. The Russian Anarchists. – Edinburgh; Oakland: AK Press, 2005. – 303 p.

Becker H.S. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. – New York; London: Free Press, 1997. – 224 p.

Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 332 p.

Clarke F.G. Will-o'-the-Wisp. Peter the Painter and the Anti-Tsarist Terrorists in Britain and Australia. – Melbourne: Oxford University Press, 1983. – 131 p.

Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 264 p.

Geifman A. The Anarchists and the "Obscure Extremists" // Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion 1894–1917 / edited by A. Geifman. – Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999. – P. 93–110.

Gerasimov I. *Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916*. – Rochester, NY; Woodbridge: Rochester University Press, 2018. – 275 p.

Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. – Garden City: Anchor Books, 1961. – 386 p.

Hasegawa T. *Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd*. – Cambridge, MA; London: Belknap Press, 2017. – 351 p.

Parry R. *The Bonnot Gang: The Story of the French Illegalists*. 2nd ed. – Oakland: PM Press, 2016. – 288 p.

Petrusenko N. *Creating the Revolutionary Heroines. The Case of Female Terrorists of the PSR (Russia, Beginning of the 20th Century): PhD (History) Diss.* – Stockholm University, 2017. – 354 p.

Petrusenko N. *Female Terrorists: Political or Just Mad? Conservative Narratives in the Historiography of Early 20th Century Female Terrorism in Russia // Baltic Worlds*. – 2017. – № 4. – P. 83–89.

Rabinowitch A. *Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. 1st Midland Book. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991. – 299 p.

Siemens D. *The Making of a Nazi Hero. The Murder and Myth of Horst Wessel / translated by D. Burnett*. – London; New York: I.B. Tauris, 2013. – 317 p.

References

Avrich, P. *The Russian Anarchists*. Edinburgh; Oakland: AK Press, 2005.

Becker, H.S. *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance*. New York; London: Free Press, 1997.

Becker, H. *Autsaidery. Issledovaniya po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance]. Translated by N. Farkhatdinov. Moscow: Elementarnye formy, 2018. (In Russian)

Bourdieu, P., and L. Wacquant. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1992.

Clarke, F.G. *Will-o'-the-Wisp. Peter the Painter and the Anti-Tsarist Terrorists in Britain and Australia*. Melbourne: Oxford University Press, 1983.

Dobson, M. *Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

Ereshchenko, D.Yu. *Prestupnost' v Petrograde v 1914–1917 gg.* [Crime in Petrograd, 1914–1917]. PhD thesis. Herzen State Pedagogical University of Russia, 2003. (In Russian)

Ermakov, V. D. *Anarkhistskoe dvizhenie v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Anarchist movement in Russia: History and the present]. St Petersburg: Akademiya kul'tury, 1997. (In Russian)

Fraiman, A.L., ed. *Oktyabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadtsatyi god v Petrograde: v 2 kn.* [October armed uprising. 1917 in Petrograd: 2 vols.]. Leningrad: Nauka, 1967. (In Russian)

Geifman, A. "The Anarchists and the 'Obscure Extremists.'" In *Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion 1894–1917*, edited by A. Geifman, 93–110. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999.

Gerasimov, I. *Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916*. Rochester, NY; Woodbridge: Rochester University Press, 2018.

Gerasimova, N.K., and A.D. Margolis. "K tebe i o tebe moe poslednee slovo: pis'ma V.O. Likhtenshtadta k M.M. Tushinskoi" ['To you and about you is my last word': V.O. Likhtenshtadt's letters to M.M. Tushinskaya]. In *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The

Past. Historical almanac], vol. 20, 129–65. Moscow; St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1996. (In Russian)

Gernet, M.N. “Tatuirovka v mestakh zaklyucheniya g. Moskvy” [Tattoo in Moscow’s penal institutions]. In *Prestupnyi mir Moskvy* [Moscow’s criminal world], edited by M.N. Gernet, 218–46. Moscow: Pravo i zhizn', 1924. (In Russian)

Glushakov, Yu.E. *‘Revolutsiya umerla! Da zdravstvuet revolyutsiya!’: Anarkhizm v Belarusi (1902–1927)* [‘The revolution is dead! Long live the revolution!’: Anarchism in Belarus (1902–1927)]. St Petersburg: ShSS, 2015. (In Russian)

Goffman, E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Garden City: Anchor Books, 1961.

Goffman, E. *Total'nye instituty. Ocherki o sotsial'noi situatsii psikhicheskii bol'nykh patsientov i prochikh postoyal'tsev zakrytykh uchrezhdenii* [Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates]. Translated by A. Salin. Moscow: Elementarnye formy, 2019. (In Russian)

Hasegawa, T. *Crime and Punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd*. Cambridge, MA; London: Belknap Press, 2017.

Ivanov, D.I. “Rannie sovetskie nekrologi kak istochnik revolyutsionnoi biografii: na primere I.P. Zhuka i V.O. Likhtenshtadta (Mazina)” [Early Soviet obituaries as a source of revolutionary biography: On the example of I.P. Zhuk and V.O. Likhtenshtadt (Mazin)]. In *Pravo na imya. Biografika XX v.: 15-e chteniya pamyati V. Iofe. Sbornik dokladov* [The right to a name. 20th century’s biographics: 15th readings in memory of V. Iofe. Collected papers], edited by T.B. Pritykina and E.V. Rusakova, 3–14. St Petersburg: Memorial, 2018. (In Russian)

Kanev, S.N. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i krakh anarkhizma (bor'ba partii bol'shevikov protiv anarkhizma, 1917–1922 gg.)* [October Revolution and the collapse of anarchism (The struggle of the Bolshevik party against anarchism, 1917–1922)]. Moscow: Mysl', 1974. (In Russian)

Kogan, Ya.M. “O tatuirovke u prestupnikov” [On tattooing amongst criminals]. In *Izuchenie prestupnosti i penitentsiarnaya praktika* [Study of crime and penitentiary practice], iss. 2, 53–112. Odessa: Glavnoe upravlenie ispravitel'no-trudovymi uchrezhdeniyami USSR, 1928. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: a study of political culture of the Russian Revolution of 1917]. 2nd ed. St Petersburg: Liki Rossii, 2012. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *‘Tovarishch Kerenskii’: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta ‘vozhdy naroda’ (mart–iyun' 1917 goda)* [‘Comrade Kerensky’: The Revolution Against the Monarchy and the Formation of the Cult of ‘the Leader of the People’ (March–June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Kolonitskii, B.I. *‘Tragicheskaya erotika’: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny* [‘Tragic erotica’: Images of the Imperial family during World War I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russian)

Kriven'kii, V.V. *Anarkhistskoe dvizhenie v Rossii v pervoi chetverti XX veka: teoriya, organizatsiya, praktika* [Anarchist movement in Russia in the first quarter of the 20th century: Theory, organisation, practice]. Moscow: ROSSPEN, 2018. (In Russian)

Lur'e, L.Ya. *Pitershchiki. Russkii kapitalizm. Pervaya popytka* [Petersburgers. Russian capitalism. The first attempt]. St Petersburg: BKhV-Peterburg, 2011. (In Russian)

Lur'e, M.L. “Politicheskie i tyuremnye pesni v nachale XX veka: mezhdum propagandoi i fol'klorom” [Political and prison songs in the early 20th century: between propaganda and folklore]. In *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniya i publikatsii* [Russian political folklore: studies and publications], edited by A.A. Panchenko, 19–38. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2013. (In Russian)

Lur'e, Ya.S. *V krayu nepuganykh idiotov. Kniga ob Il'fe i Petrove* [In the land of unfrightened idiots. A book about Ilf and Petrov]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2005. (In Russian)

Morozov, K.N. "Fenomen subkul'tury rossiiskogo revolyutsionera nachala XX v." [Phenomenon of the Russian revolutionary subculture in the early 20th century]. In *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX–XX v. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma* [The person and the individual in the history of Russia, late 19th–20th century. Materials of the international colloquium], 134–48. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. (In Russian)

Parry, R. *The Bonnot Gang: The Story of the French Illegalists*. 2nd ed. Oakland: PM Press, 2016.

Petrusenko, N. *Creating the Revolutionary Heroines. The Case of Female Terrorists of the PSR (Russia, Beginning of the 20th Century)*. PhD diss. Stockholm University, 2017.

Petrusenko, N. "Female Terrorists: Political or Just Mad? Conservative Narratives in the Historiography of Early 20th Century Female Terrorism in Russia." *Baltic Worlds*, no. 4 (2017): 83–89.

Rabinowitch, A. *Krovavyye dni: Iyul'skoe vosstanie 1917 g. v Petrograde* [Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising]. Translated by T.V. Nikol'skaya. Moscow: Respublika, 1992. (In Russian)

Rabinowitch, A. *Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. 1st Midland Book ed. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991.

Rublev, D.I. *Rossiiskii anarkhizm v XX veke* [Russian anarchism in the 20th century]. Moscow: Rodina, 2019. (In Russian)

Shcherbovich, S.M. *Bor'ba trudyashchikhsya Shlissel'burgskogo uezda Petrogradskoi gubernii za ustanovlenie Sovetskoi vlasti v 1917–1918 gg.* [The struggle of the working classes of Shlisselburg Uyezd, Petrograd Governorate, for the establishment of the Soviet power in 1917–1918]. PhD diss. Leningrad State Pedagogical Institute, 1988. (In Russian)

Siemens, D. *The Making of a Nazi Hero. The Murder and Myth of Horst Wessel*. Translated by D. Burnett. London; New York: I.B. Tauris, 2013.

Tarasov, K.A. *Soldatskii bol'shevizm. Voennaya organizatsiya bol'shevikov i levoradikal'noe dvizhenie v Petrogradskom garnizone (fevral' 1917–mart 1918 g.)* [Soldiers' Bolshevism. Military Organisation of the Bolsheviks and the left-radical movement in the Petrograd garrison (February 1917–March 1918)]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. (In Russian)

Znamenskii, O.N. *Iyul'skii krizis 1917 goda* [July crisis of 1917]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. (In Russian)

Znamenskii, O.N., ed. *Piterskie rabochie i Velikii Oktyabr'* [Petrograd workers and the Great October]. Leningrad: Nauka, 1987. (In Russian)

Дмитрий Игоревич Иванов

Младший научный сотрудник,
Европейский Университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия
<http://orcid.org/0000-0001-9520-3908>
divanov@eu.spb.ru

Dmitrii I. Ivanov

Junior research assistant
European University at St Petersburg
St Petersburg, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-9520-3908>
divanov@eu.spb.ru